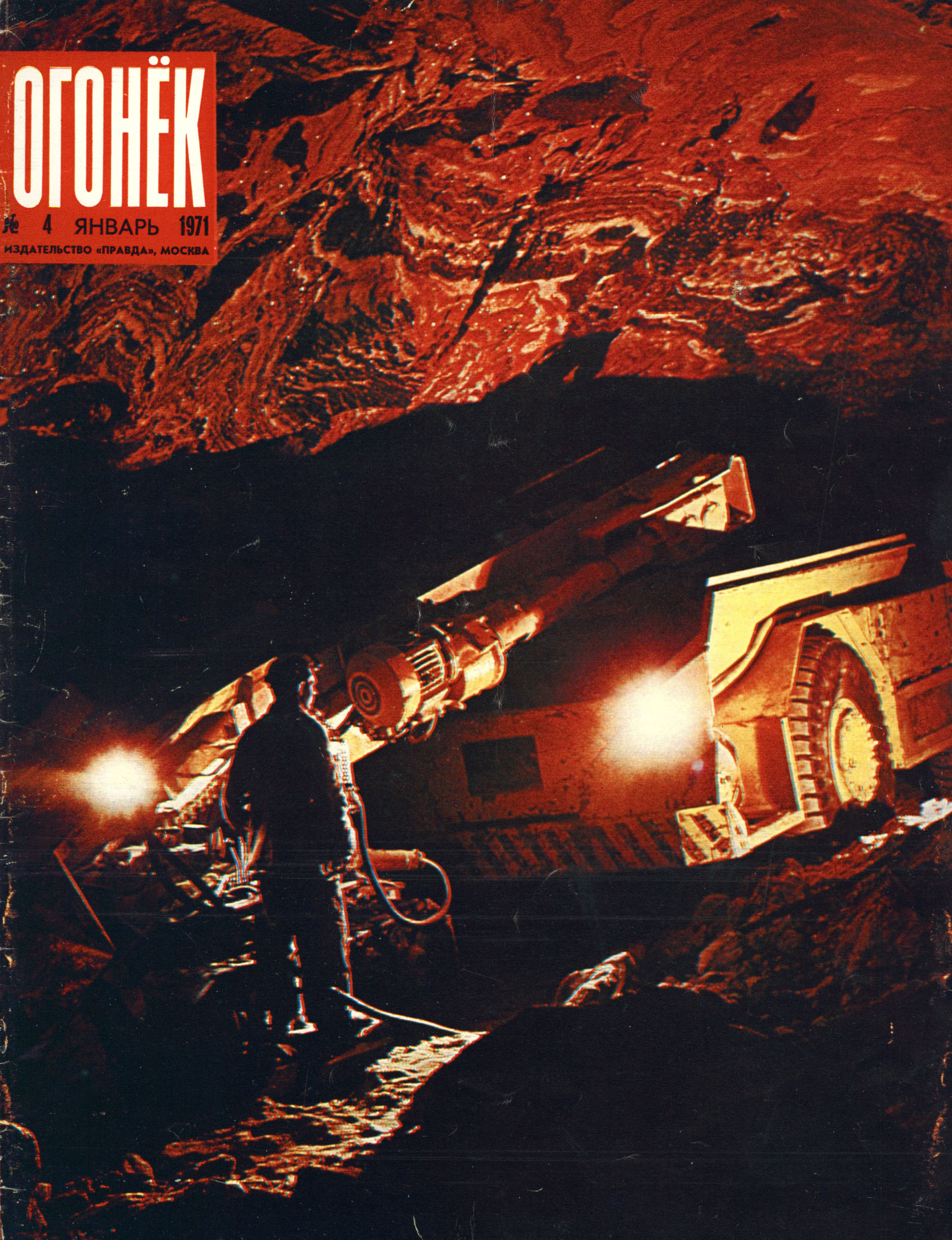

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2273)

23 ЯНВАРЯ 1971

КОММУНИСТЫ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

О том, что мы сможем встречаться преимущественно по вечерам, я знал еще в Москве, после того, как позвонил в Ленинград на завод строительных машин и попросил к телефону секретаря партийного бюро товарища Морякова. Но телефон, номер которого был у меня в распоряжении, оказался директорским, и секретарша сказала, что Евгения Николаевича позвать нельзя, так как он находится в данный момент у себя на рабочем месте. Я подумал, что это в переносном смысле сказано, что она называет так помещение партбюро. А выяснилось, что место рабочее в прямом смысле: токарный станок.

— Он всегда в первую смену выходит,— добавила секретарша.— Общественные дела — по вечерам.

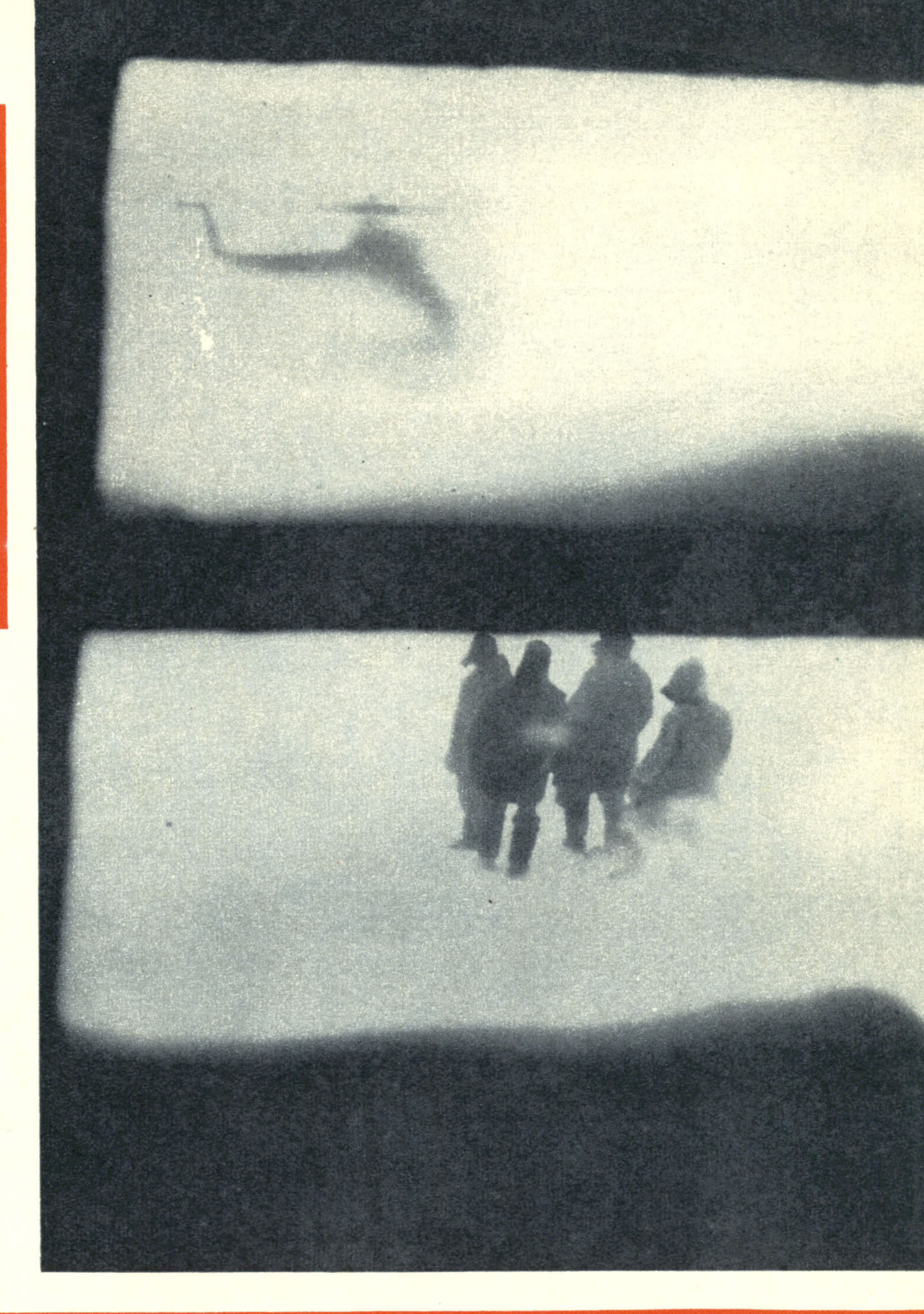
Это первые строки очерка А. Старкова «Вечера с Моряковым». См. стр. 22—24.

Фотокорреспондент «Огонька» застал Евгения Морякова на его обычном рабочем месте, в цехе, в кругу товарищей по труду. Знакомьтесь: термист Юрий Николаевич Яблоков, токарь Евгений Николаевич Моряков, заточник Михаил Алексеевич Максимов, мастер участка Александр Петрович Большаков.

СВЫШЕ 1000

МЕСТОРОЖДЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ ОТКРЫТО ЗА ПЯТЬ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НА ТЕРРИТОРИИ ОДНОЙ ТОЛЬКО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

О героическом труде разведчиков недр советской земли, об итогах их работы за пятилетку — интервью с министром геологии СССР, академиком А. В. Сидоренко.

(См. стр. 4—5)

На снимках: На просторах Сибири. Геологи ведут поиск.

Фото Г. Копосова и В. Сакка.

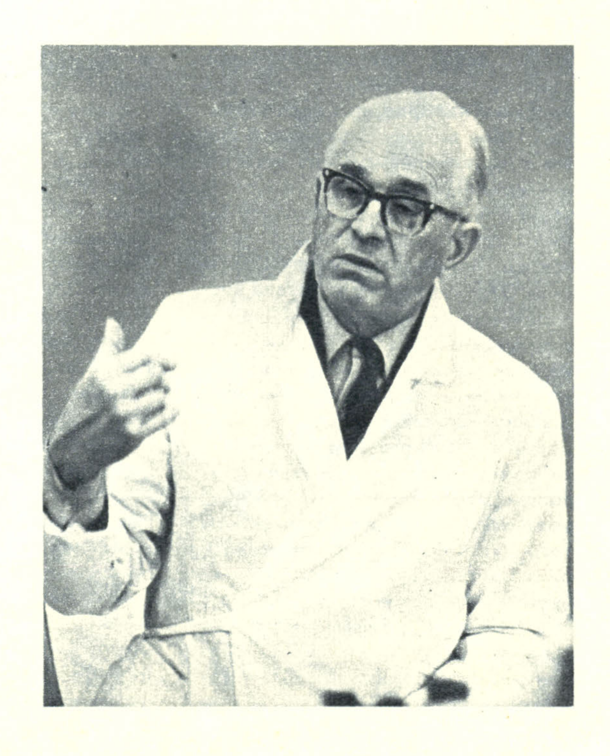
Корреспонденты «Огонька» рассказывают о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

5 трудовых, героических лет

«ЭСТОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

РАЗВИВАТЬ... ПТИЦЕВОДСТВО» —

ТАК СКАЗАНО В ДИРЕКТИВАХ СЪЕЗДА.

О том, как далеко шагнула за пять лет одна из крупнейших птицефабрик страны — Таллинская, — репортаж, публикуемый на стр. 19—21.

На снимке: Оскар Леесмент — главный ветеринарный врач этой фабрики.

Фото В. Сальмре.

ГОРЯТ ОГНИ АСУА

15 января, 9 часов 30 минут утра... Этот день и час уже принадлежат истории. В присутствии тысячи гостей и сотни журналистов более чем из пятидесяти стран мира Президент ОАР Анвар Садат перерезал перетянутую через Высотную Асуанскую плотину шелковую ленточку и вместе с главой советской партийно-государственной делегации членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным открыл торжества.

Одиннадцать лет тому назад сюда, на эти безжизненные, запорошенные песком берега Нила, пришли первые строители будущего гиганта и разбудили вековечную тишину грохотом взрывов и урчанием моторов машин. А ныне этот удивительный по своим масштабам и смелости инженерного решения гигант на Ниле уже работает на благо египетского народа и поражает каждого своей грандиозностью.

В эти дни открытие Высотной Асуанской плотины, вытеснив остальные новости мира, заняло первые полосы многих зарубежных газет и журналов. Это случилось не только потому, что «плотину жизни», по признанию многих специалистов, можно назвать поистине инженерным чудом наших дней. Асуан приковал к себе взгляды мира потому, что для арабских народов, для всей Африки и Азии он стал знаменем борьбы с империализмом, отсталостью и угнетением, а также символом неукротимой воли народа, который решил построить новую жизнь. Асуанскую стройку Президент ОАР Анвар Садат назвал «исторической вехой на пути социалистических преобразований». И на всех этапах этого нелегкого пути египтяне опирались на поддержку Советского Союза. Гордость египетского народа, Асуанский гигант «стал подлинным символом арабо-советской дружбы, убедительным доказательством того, насколько эффективным и плодотворным является сотрудничество молодых развивающихся государств с социалистическими странами»,— говорится в поздравлении, направленном от имени советского народа, ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Это поздравление, адресованное Президенту ОАР, Председателю АСС Анвар Садату и Премьер-Министру ОАР Махмуду Фавзи, подписали Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин.

Тепло и радостно встретили египетские трудящиеся, вся страна почетных гостей, принявших участие в празднествах на Ниле,— советскую партийно-государственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным. Из Каира, где 14 января во дворце Кубба на советско-арабских переговорах состоялся всесторонний обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития дружественных отношений между СССР и ОАР, а также по ряду актуальных проблем международного положения, высокие гости из СССР прибыли в Асуан.

15 января стало Большим Днем Асуана. В торжественной обстановке здесь состоялось подписание Декларации о завершении и вводе в действие Асуанского гидроэнергетического комплекса. Этот исторический документ подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент ОАР Анвар Садат. Грандиозный митинг, посвященный завершению и сдаче в эксплуатацию гидроэнергетического комплекса, начался с церемонии вручения правительственных наград советской и египетской сторонами наиболее отличившимся участникам строительства — специалистам, инженерам, рабочим. К участникам митинга обратились Анвар Садат и Н. В. Подгорный. Их выступления неоднократно прерывались аплодисментами и возгласами в честь арабо-советской дружбы.

«Наша дружба — сила, укрепляющая мир!» Этими словами, начертанными на приветственных транспарантах, древняя Александрия встретила 17 января советскую партийно-государственную делегацию.

Дружба наших государств и народов,— сказал Н. В. Подгорный, выступая на массовом митинге на Александрийской судоверфи, построенной при техническом содействии СССР,— является

Н. В. Подгорный и Анвар Садат во время встречи в Каирском аэропорту.

Телефото ТАСС.

Вот она, Высотная Асуанская плотина.

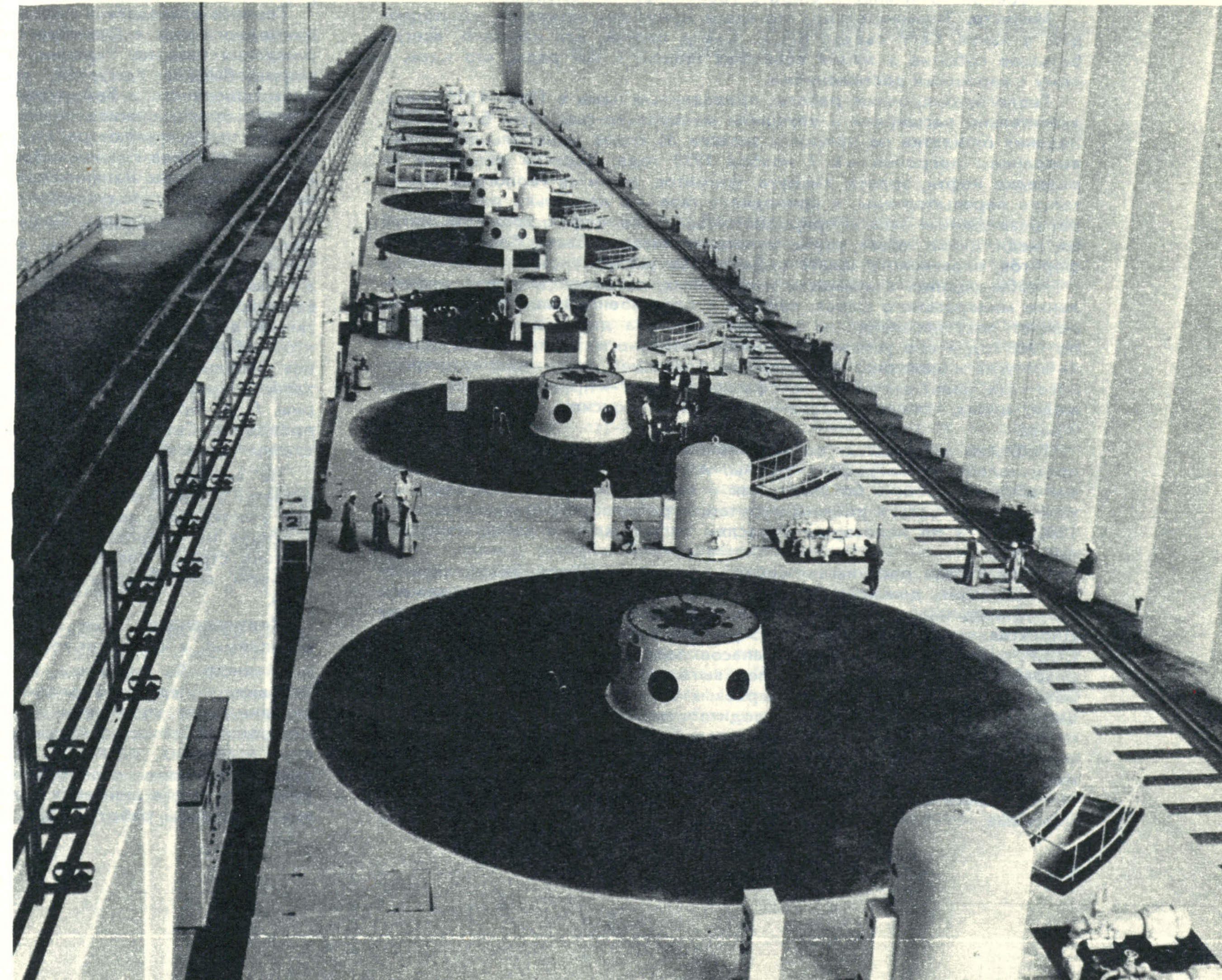
Фото В. Воронина. «Правда».

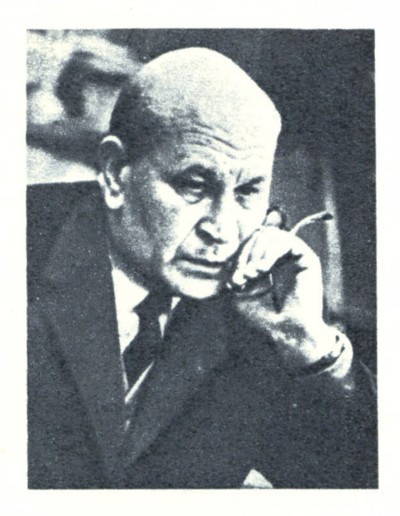

воплощением на практике ленинских идей о союзе мирового социализма с силами национально-освободительного движения. Дружба эта помогает нам в совместной борьбе против империализма, способствует упрочению политического суверенитета и экономической самостоятельности ОАР, ее социальному прогрессу.

18 января во дворце Кубба закончились переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом ОАР Анвар Садатом. На переговорах, проходивших в атмосфере дружбы и откровенности, обе стороны выразили полное удовлетворение результатами официального визита Н. В. Подгорного в ОАР. Было решено опубликовать совместное советско-египетское коммюнике об итогах состоявшегося визита.

...Пройдут века, и потомки назовут 15 января 1971 года одной из самых ярких и славных страниц в истории египетского народа.

Интервью

«Огонька»

Богатства земных недр! Все, что извлекается из глубин Земли, составляет не менее четырех пятых всех природных ресурсов, потребляемых обществом. Без разработки земных богатств немыслимы металлургия, энергетика, химическая промышленность и транспорт, строительная индустрия. Там, где проходит геолог, вырастают новые заводы и города. Геологи не просто разведчики недр, они разведчики будущего! Вот почему так заинтересованно, так пристально всматриваемся мы в каждый шаг на их нелегком, но плодотворном пути поисков и открытий.

Каковы успехи советской геологии за минувшие пять лет! С этим вопросом корреспондент журнала «Огонек» обратился к руководителю геологической службы страны — крупному ученому, министру геологии СССР, академику Александру Васильевичу СИДОРЕНКО.

БОГАТСТВА НЕДР ЗЕМЛИ СОВЕТСКОЙ

Академик А. В. СИДОРЕНКО, министр геологии СССР

Корреспондент. Известно, что на долю разведчиков недр выпадает огромная ответственность: быть первопроходцами, идти впереди самых различных отраслей народного хозяйства страны. Расскажите, пожалуйста, как советская геология справилась с этой задачей, чем обогатила она вновь нашу страну за минувшее пятилетие. Какие цифры наиболее ярко говорят о темпах и широте геологических изысканий?

Министр. Знаменательно, что итоги минувшей пятилетки мы подводим в канун XXIV съезда КПСС. Съезд партии, как известно, всегда большое событие в жизни советских людей, и мы рады, что идем к нему с хорошими достижениями.

Геологоразведочные работы, проведенные нами в 1966—1970 годах, значительно расширили и улучшили минерально-сырьевую базу СССР. Задания пятилетки по приросту запасов 36 видов минерального сырья выполнены досрочно — к 7 ноября 1970 года. Задания пятилетки по разведке нефти, золота, хромитов, апатитов геологами значительно перевыполнены, а природного газа — в несколько раз. За пять лет разведанные запасы природного газа, угля, нефти, хромитов, никеля, меди, цинка, олова, ртути, золота, апатитов, асбеста, бокситов, фосфоритов, плавикового шпата существенно увеличились.

Чтобы оценить значимость этих данных, напомню: мировое потребление минерального сырья, начиная с послевоенных лет, заметно опережает рост населения на земном шаре. За двадцатилетие — с 1946 по 1968 год — оно увеличилось приблизительно на 40 процентов, добыча же угля и железных руд возросла более чем втрое; нефти, природного газа, калийных солей, фосфатного сырья — примерно в пять раз; меди, цинка, свинца, олова — двукратно; бокситов — более чем в 9 раз...

Геология закладывает основы экономики будущего, она формирует промышленную географию страны. А потому поиски и исследования мы обязаны вести с большим, как у нас принято говорить, заделом: уже сегодня геологи должны работать и работают на промышленность 1980 года, а по некоторым отраслям заглядывают в конец текущего столетия.

Наша страна располагает сейчас мощной сырьевой базой, способной обеспечить дальнейшее развитие промышленности. Геологи немало потрудились над осуществлением первоочередных задач, поставленных Директивами XXIII съезда КПСС: усилить работы в Европейской части СССР, добиться наращивания запасов полезных ископаемых там, где разработка их окажется наиболее выгодной, улучшить территориальное размещение минерально-сырьевых баз. Это очень важно для рационального размещения производительных сил страны.

Многие сотни новых месторождений полезных ископаемых были открыты в СССР за последние пять лет. Выявлены новые нефтегазоносные провинции и рудные районы. На карте полезных ископаемых страны появились новые районы, которые могут стать промышленными центрами.

Благодаря усилиям геологов значительно расширены перспективы одной из наиболее значительных для европейской территории нефтегазоносных провинций — Тимано-Печорской (в Коми АССР). Введение в эксплуатацию разведанного здесь в короткие сроки Вуктылского газоконденсатного месторождения позволило увеличить поставку природного газа в центр страны.

Геологи разведали и передали промышленности крупнейшие запасы природного газа в Оренбургской области. Они выявили новые месторождения газа на Украине, подготовили новую сырьевую базу для нефтедобычи в Удмуртии, обеспечили создание нефтедобывающей промышленности в Белоруссии. Сегодня уже можно считать установленным промышленное значение нефтеносности Прибалтики. Немалый интерес представляют работы геологов на огромной территории центральных районов страны — Ярославской, Костромской, Вологодской областей и частично Калининской, Рязанской и Саратовской. Доказано, что поиски нефти и газа тут небесперспективны.

К самым обширным нефтегазоносным провинциям — не только в Советском Союзе, но и на земном шаре — относится ныне Западная Сибирь. Создание здесь на базе новых месторождений нефти и газа, а также лесных богатств крупного промышленного комплекса — важнейшая народнохозяйственная задача. В 1975 году сибирские нефтяники должны выйти на рубеж 100—120 миллионов тонн нефти. Все, что требуется для этого от геологов, сделано. В недрах северных районов Западной Сибири сосредоточена значительная часть разведанных запасов природного газа всей страны. В одном из выступлений товарищ Л. И. Брежнев говорил: «...сейчас на очереди сооружение газопровода из Сибири, где богатейшие запасы газа были до сих пор недоступны человеку, в европейскую часть страны».

Не менее важным топливно-энергетическим сырьем по-прежнему остается уголь. В европейских районах за пятилетие количество резервных участков для заложения новых угольных шахт возросло с 12 до 38, а общая их мощность — с 33 до 77,5 миллиона тонн угля в год. На востоке страны разведанные запасы угля позволяют заложить новые карьеры, способные в год «выдавать на-гора» свыше 225 миллионов тонн.

Корреспондент. Как обстоит дело с разведкой других полезных ископаемых, в частности золота и воды?

Министр. Вы, вероятно, случайно объединили в своем вопросе эти два вида полезных ископаемых: между тем нередко вода по своему значению для хозяйственной деятельности человека оказывается ценнее золота. Сейчас во многих районах земного шара вода в связи с ростом населения, развитием промышленности и сельского хозяйства стала предметом серьезных забот. Водохозяйственным проблемам уделяется много внимания и в нашей стране. Из года в год расширяются масштабы работ по поискам и разведке подземных вод. 35 мил-

лионов кубических метров в сутки — таков прирост запасов подземных вод, обеспеченный нашими геологами. Это почти на 20 процентов больше задания минувшей пятилетки. Гидрогеологи за пятилетку обеспечили водоснабжение свыше полутысячи городов, поселков, заводов, колхозов, совхозов...

Золотодобывающей промышленности геологи передали более 200 разведанных участков и месторождений россыпного и рудного золота в Восточной Сибири, на северо-востоке и в других районах страны. Крупнейшая золотоносная провинция выявлена в Узбекистане. Здесь на базе известного золоторудного месторождения Мурунтау создано крупное промышленное предприятие.

Поистине уникальны по запасам и богатству Талнахское и Октябрьское медно-никелевые месторождения. Они позволяют в несколько раз повысить мощность Норильского горно-металлургического комбината. Коренным образом меняет его экономику и то, что он переведен на газовое топливо за счет открытых вблизи комбината газовых месторождений.

Создание нового центра свинцово-цинковой промышленности в Восточной Сибири обеспечено открытием нового крупного месторождения «Озерное» в Бурятской АССР. Существенно улучшена сырьевая база оловорудной промышленности страны. Новая рудная база для медеплавильных заводов создается на Южном Урале и в Мугоджарах. Запасы меди на Урале возросли почти в полтора раза.

Геологи потрудились и для сельского хозяйства. Они расширили сырьевую базу комбината «Апатит» — на Кольском полуострове открыто и разведано крупное месторождение «Коашва». Улучшено территориальное расположение источников сырья для минеральных удобрений. Районами новых открытий оказались Восточная Сибирь (фосфориты, апатиты), Эстония (фосфориты), Узбекистан, Туркмения и Волгоградская область (калийные соли). Большие гидрогеологические исследования проведены для мелиорации и ирригации земель.

Корреспондент. В чем актуальность и сложность работ, проводившихся геологами на Европейской территории Советского Союза? Для многих эта часть страны представлялась уже давно изученной и потому даже в какой-то мере неинтересной для геологов.

Министр. Значение геологических работ здесь действительно велико. В Директивах XXIII съезда партии было предусмотрено усиление поисков и разведки на нефть, газ, уголь в Европейской части СССР. В этих районах проживает едва ли не 70 процентов населения страны. Тут сосредоточены большие производственные мощности, дающие большую часть всей промышленной продукции Советского Союза. Топливно-энергетический баланс этих районов напряженный, и потому была поставлена задача: обеспечить их собственными источниками минерального топлива, увеличить минерально-сырьевой потенциал.

Вся территория русской равнины закрыта мощным чехлом молодых отложений — так складывалась геологическая история земной коры. Обнажения здесь редки, к тому же они осмотрены и описаны геологами еще до революции, когда началось изучение этой территории. Но тогда не было необходимой для исследования глубин техники. Вот и получилось, что наиболее обжитая и освоенная часть страны оказалась наименее геологически изученной и наиболее трудной для исследований. Сейчас же, располагая мощными буровыми станками, позволяющими проникать внутрь Земли на 5—6 и даже более километров, владея весьма развитыми геофизическими методами и техникой, мы получили возможность изучать глубинное строение этой территории, восстановить историю ее геологического развития. А это позволяет выбирать наиболее эффективные направления поисковых работ.

По геологическим прогнозам, недра европейских районов нашей страны не менее богаты полезными ископаемыми, чем Сибирь, Казахстан, Средняя Азия. Выполняя Директивы XXIII съезда КПСС, геологи развернули в Европейской части СССР региональные геолого-геофизические и поисковые работы на нефть, газ, уголь и другие полезные ископаемые. Подтверждена перспективность этой территории. Разведанные запасы природного газа здесь возросли почти в 2 раза.

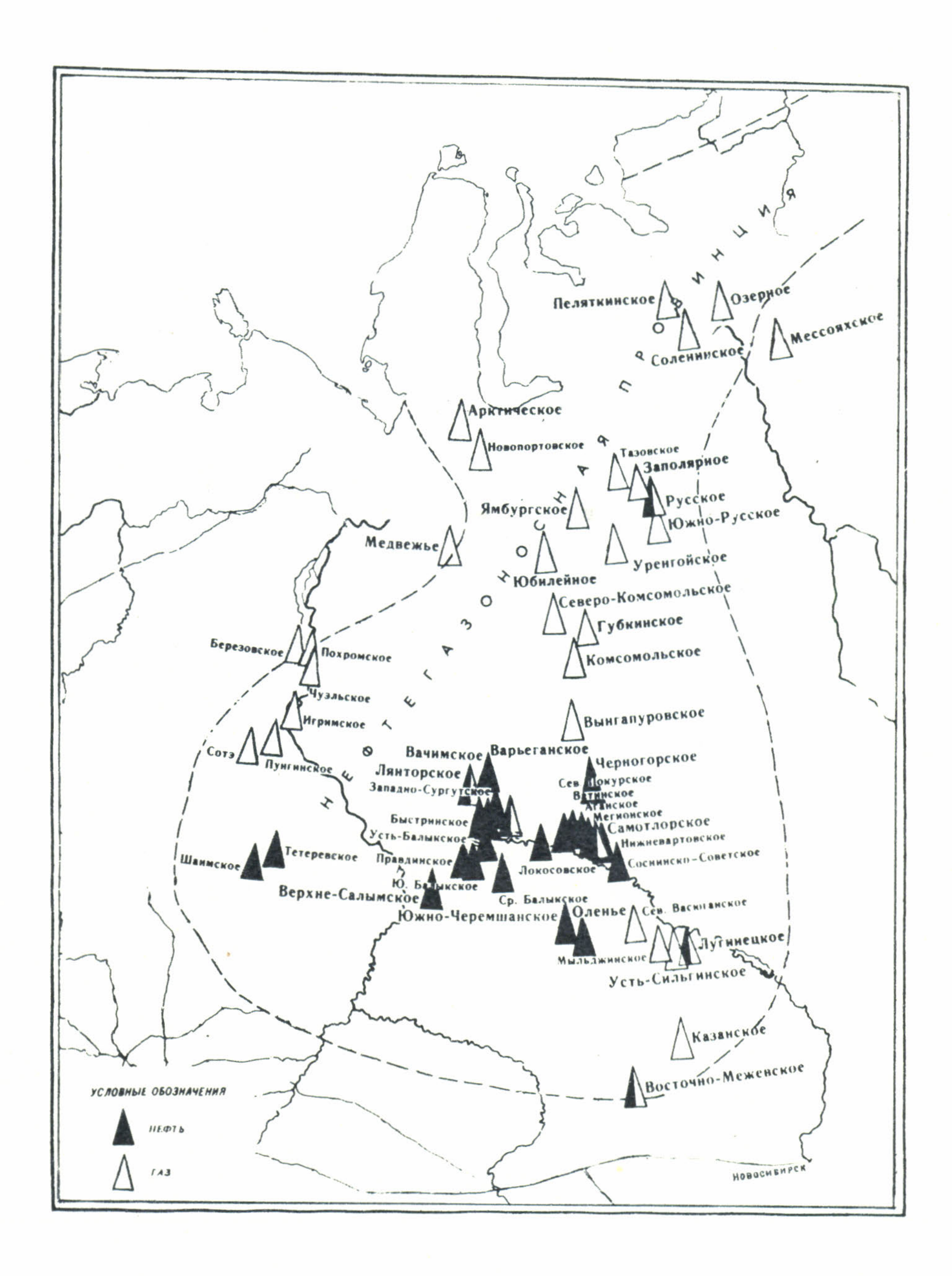
Корреспондент. Александр Васильевич, что позволило геологам так повысить темпы и результативность их исследований? Научно-технический прогресс, экономические стимулы, рост технической вооруженности?

Министр. И то, и другое, и третье. И в не меньшей мере огромный политический и трудовой подъем наших людей, социалистическое соревнование, развернувшееся в честь 50-летия Советского государства и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Выполнение геологических заданий — результат самоотверженного труда рабочих, инженерно-технических и других работников геологической службы, результат научно-технического прогресса, роста нашей технической вооруженности.

Важнейший фактор научно-технического прогресса в геологии — научное обоснование планов геологоразведочных работ. Геологами накоплен огромный фактический материал. Его обобщение и научный анализ позволяют прогнозировать территории на различные виды минерального сырья. Конкретное выражение таких научных обобщений — прогнозные карты и оценки вероятных запасов минерального сырья в недрах. При высокой достоверности прогнозы поднимаются до уровня подлинно научного предвидения. Это и позволяет геологам выходить в новые районы куда с большей уверенностью в успехе поисков.

Пользуясь картой прогноза нефтегазоносности территории СССР, геологи, сосредоточивая усилия на изучении наиболее перспективных районов, открыли в минувшей пятилетке сотни новых месторождений нефти и газа и подготовили для глубокого разведочного бурения более 100 структур. Разработаны и разрабатываются прогнозные карты на золото, железные руды, цветные металлы и другие полезные ископаемые.

И еще один важный фактор — это методы геологических поисков и разведки. Они заметно прогрессируют. Первостепенное значение здесь имеют геофизические методы. Геофизика дает сведения о глубинном строении земной коры без применения дорогостоящих буровых работ. Она как бы просвечивает землю, выявляя довольно точно залегание горных пород на глубинах от нескольких до десятков километров. Без геофизики ныне невозможно вести поиски и разведку месторождений нефти и газа.

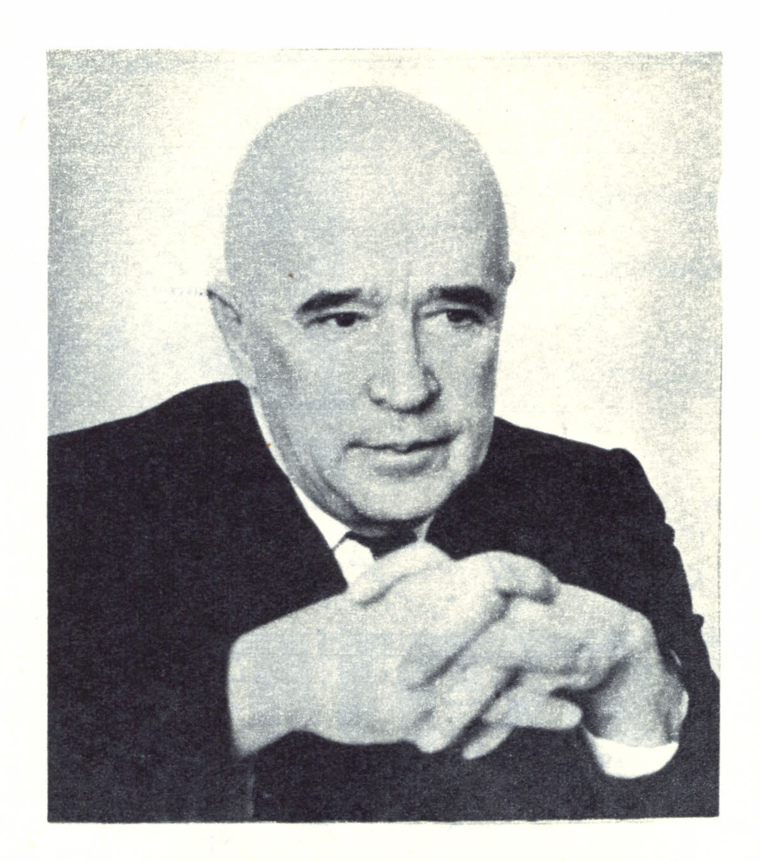
Месторождения нефти и газа Западной Сибири, разведанные на 1 января 1971 года.

Все шире применяются геофизические и геологические съемки с самолетов. Аэрогеологические методы позволяют изучать геологию огромных территорий и даже выявлять месторождения железных и радиоактивных руд. На такие исследования наземными способами потребовались бы многие годы и колоссальные средства. Следующим этапом в развитии аэрогеологических методов является использование космических полетов: на снимках, сделанных из космоса, отчетливо просматриваются элементы крупных геологических структур.

Для анализа минерального вещества геологи используют экспресс-методы и аппаратуру, основанную на современных достижениях ядерной физики.

И, наконец, техника. Промышленность оснастила нас мощным геологоразведочным оборудованием, буровыми станками, электростанциями, компрессорами, горнопроходческими машинами и другими механизмами, точнейшей аппаратурой, позволяющими вскрывать недра Земли и изучать их на высоком научно-техническом уровне.

Научно-технический прогресс — важнейшее условие дальнейшего успеха геологических исследований. План развития народного хозяйства СССР на 1971 год, девятая пятилетка ставят перед советскими геологами новые задачи и по обеспечению текущих потребностей горнопромышленных предприятий в сырье, и по подготовке разведанных запасов на дальнюю перспективу, и по повышению эффективности геологоразведочных работ. Вместе со всем советским народом разведчики недр, развернув социалистическое соревнование, стремятся встретить открытие XXIV съезда КПСС новыми трудовыми успехами.

И. Г. ПЕТРОВСКОМУ — 70 ЛЕТ

18 января исполнилось 70 лет одному из крупнейших математиков нашего времени, ректору Московского государственного университета, Герою Социалистического Труда, академику И. Г. Петровскому. Научные работы Ивана Георгиевича известны математикам всего мира. Его исследования оказали огромное влияние на развитие математической науки, они предопределили на многие годы основное направление развития общей теории систем уравнений с частными производными, а также некоторых разделов математической физики, алгебраической геометрии, теории вероятностей. И. Г. Петровский по праву считается создателем теории систем уравнений с частными производными. Эта область математики очень важна. Задачи, связанные с полетом самолетов и ракет, движением подводных лодок и кораблей, приводят к изучению таких систем. Результаты И. Г. Петровского нашли также применение в теории горения, в задачах о распространении пламени, о передаче тепла и многих других конкретных физических задачах.

Многие из работ И. Г. Петровского на десятки лет опередили свое время. Его исследования, выполненные в 30-х и 40-х годах, стоят сейчас в центре внимания ведущих математиков мира. Несомненно, что работы Ивана Георгиевича будут служить источником идей для многих поколений будущих исследователей.

И. Г. Петровский создал большую научную школу. Среди его учеников имеются первоклассные ученые, которые сами уже воспитали много талантливых математиков — докторов наук. Иван Георгиевич обращает внимание своих учеников на самые актуальные и важные проблемы. Решение задач, поставленных И. Г. Петровским, принесло многим из них известность, а для некоторых определило их творческий путь на многие годы. На учебниках, написанных И. Г. Петровским, воспитывалось не одно поколение математиков у нас и за рубежом.

С 1951 года И. Г. Петровский — ректор Московского государственного университета. Эта многогранная, поразительная по своим масштабам деятельность большого ученого, обладающего глубокими познаниями в самых разных науках, чувствующего их внутренние связи и предвидящего все то, что будет важным для науки и для страны в будущем, вызывает восхищение ученых всех специальностей.

Математики, много лет работающие вместе с Иваном Георгиевичем, хорошо знают, что он очень любит литературу, что он библиофил, что большая часть его квартиры занята библиотекой, насчитывающей несколько тысяч книг, что лучший отдых для него — это возможность рыться в книгах, что он любит и знает искусство, хорошо понимает живопись, что в молодости он сам увлекался рисованием, что большое место в его жизни занимает музыка.

И. Г. Петровскому свойственны настойчивость и сосредоточенность ученого, огромная работоспособность и бесконечная любознательность.

О. А. ОЛЕЙНИК,
доктор физико-математических наук,
профессор

НЕ «КЛАССОВЫЙ МИР», А КЛАССО

Юрий ЯСНЕВ

Цифры самой же буржуазной статистики разоблачают ложь наемных пропагандистов империализма, будто по мере развития научно-технического прогресса ослабевают и постепенно исчезают противоречия в капиталистическом обществе, затухает классовая борьба. В 1965 году число бастовавших рабочих и служащих в странах капитала составило 36 миллионов, в 1969 году — 60 миллионов, а за десять месяцев прошлого года — свыше 63 миллионов. Красноречиво, не правда ли?

Но, может быть, тезис о приближении «эры социального мира» все же верен для наиболее развитых капиталистических стран и общие данные о забастовочном движении здесь просто ничего не говорят?

Действительность и в этом случае опровергает апологетов империализма.

КАХАНЕ

Генрих БОРОВИК

Почти каждый день я бываю по разным своим корреспондентским делам в здании нашего представительства при ООН в Нью-Йорке. Оно находится в квартале 67-й улицы. Между двумя авеню—Лексингтон и Третьей. Здесь работают советские дипломаты — сотрудники представительства. Многие из них и живут в этом доме со своими семьями.

В последние недели жизнь советских людей здесь стала трудновыносимой из-за действий группы фашистов, называющих себя «лигой защиты евреев».

Квартал, в котором находится советское представительство, в последнее время стал охраняться нью-йоркской полицией. Но за пределами квартала, сразу же на двух перекрестках, большую часть дня дежурят группами по 4—5 человек члены «лиги». Почти каждый советский человек, выходящий за пределы квартала (а это необходимо хотя бы для того, чтобы купить продукты питания), немедленно становится объектом преследования, угроз и оскорблений. Хулиганы идут по пятам и выкрикивают нецензурные ругательства на русском языке. Если они идут за женщиной или за женщиной с ребенком,— ругательства еще грязней. Доходит и до рукоприкладства, хулиганы пытаются столкнуть преследуемого ими человека на мостовую — под мчащиеся автомашины.

Специальные люди из «лиги защиты евреев» через каждые несколько минут звонят по телефону в советское представительство и обрушивают на советских телефонисток потоки грязной брани.

Члены «лиги» преследуют советские автомашины, притирают их к тротуарам, обгоняют с разных сторон, выкрикивая угрозы водителям, стараясь вызвать катастрофу.

О бесчинствах членов «лиги» пишут американские газеты, довольно подробно рассказывают о тактике хулиганов, называют фамилии. И хотя каждый из поступков, о которых я рассказал — и нецензурная брань по телефону, и преследования, и оскорбление людей на улице и т. д.,— согласно американским законам карается тюремным заключением или штра-

12 января английские трудящиеся провели День протеста против антипрофсоюзного законопроекта, который консерваторы подготовили и хотят провести через парламент. Это была внушительная демонстрация острого противоборства сил труда и капитала.

Вопреки увещеваниям правого руководства Британского конгресса тред-юнионов — ограничиться словесным осуждением антирабочей политики тори, сотни тысяч английских рабочих прибегли к испытанному и действенному оружию — забастовке. В тот день были полностью прекращены разгрузочно-погрузочные работы в портах Манчестера, Ливерпуля, Гулля и ряда других городов. Во многих районах страны было нарушено движение автобусного и железнодорожного транспорта. Замерли конвейеры десятков машиностроительных заводов. Только в одном из центров английского автомобилестроения, Ковентри, бастовали более 50 тысяч человек.

В митингах и демонстрациях, которые состоялись 12 января

ВАЯ БОРЬБА

по всей Англии, участвовали в общей сложности не менее двух миллионов человек.

Таков был ответ трудовой Англии правительству, которое, выслуживаясь перед своими хозяевами-монополиями, пытается надеть наручники на профсоюзы, лишить их прав, завоеванных ценой самоотверженной борьбы ряда поколений английского рабочего класса.

Проект жестокого антипрофсоюзного закона, который консерваторы невинно величают биллем «о взаимоотношениях в промышленности», переполнил чашу терпения трудящихся Британии. Растущая дороговизна предметов первой необходимости и жилья, рекордная для послевоенного времени безработица, в черных списках которой уже находится почти 700 тысяч человек, прогрессирующее обесценение фунта стерлингов и вот теперь в довершение всего намерение правительства лишить трудящихся возможности бастовать с помощью закона, предусматривающего колоссальные денежные штрафы и даже тюремное заключение. Разве можно тут быть безучастным? Разве можно бездействовать, когда реакция развертывает наглый поход против жизненного уровня широких слоев английского народа, против его демократических свобод?

Сознание необходимости дать решительный отпор наступлению монополий и правительства проникает в самую гущу рабочего класса Британии, заставляет его в обход правых лидеров БКТ и вопреки им искать наиболее эффективные формы борьбы.

Одной из таких форм и явился День протеста 12 января. Он как бы перенес с собой в 1971 год и развил дальше опыт событий 8 декабря прошлого года, когда трудящиеся Англии впервые в общенациональном масштабе сказали своими стачками и демонстрациями: «Нет, билль не должен пройти!»

Бои на социальном фронте Англии обещают стать еще более ожесточенными, поскольку правительство продолжает упорствовать в своей антирабочей политике. Используя провокационный инцидент со взрывом бомбы 12 января в доме министра по вопросам занятости и производительности труда Роберта Карра, автора антипрофсоюзного билля, консерваторы и их пресса на Флит-стрите развернули злобную кампанию против забастовщиков, размахивая пугалом «красной опасности». Реакция идет на все, чтобы деморализовать рабочих, подорвать их единство, ослабить волю к борьбе.

С другой стороны, воодушевленные успехом боевых выступлений 12 января, трудящиеся Англии требуют от профсоюзного руководства проведения в стране всеобщей политической забастовки протеста. Это требование станет предметом обсуждения чрезвычайного конгресса тред-юнионов, который предполагается созвать 18 марта.

Январское выступление английского пролетариата — яркий, но отнюдь не единственный пример борьбы трудящихся, развернувшейся с первых дней 1971 года в странах капитала. Это еще одно доказательство того, что социальное развитие буржуазного общества идет не по пути «классового мира», а дальнейшего накала классовой борьбы.

Сообщения о многочисленных стачках поступают из Соединенных Штатов Америки, Японии, Италии, Испании, стран Латинской Америки, Австралии — отовсюду, где еще властвует капитал с его неуемной жаждой прибыли, с его беспощадной физической и интеллектуальной эксплуатацией народных масс.

В повседневной борьбе за свои насущные экономические требования трудящиеся капиталистических стран все больше проникаются сознанием того, что их полное и окончательное избавление от гнета империализма возможно лишь на путях радикальных политических преобразований буржуазного общества.

И ЕГО ПОКРОВИТЕЛИ

фом, организованное хулиганство против советских людей продолжается изо дня в день. Некоторых из членов «лиги» арестовывали несколько раз, но тут же немедленно освобождали, будто бы по мановению чьей-то всесильной руки.

На днях я проезжал мимо здания, в котором помещаются нью-йоркские отделения Аэрофлота и «Интуриста». Стеклянные окна и дверь его после того, как их разбили недавно хулиганы, забиты листами фанеры. Внутрь не проникает дневной свет.

В эти дни выход на нью-йоркскую улицу для каждого советского человека сопряжен с особой опасностью. А для наших детей это почти невозможно.

Американский журналист, собиравший материал о деятельности «лиги защиты евреев» для одного ведущего нью-йоркского журнала, сказал мне, что члены «лиги» с удовольствием делились с ним своим «открытием»: «Советские люди острее всего реагируют на угрозы в адрес детей, это самый верный способ вывести советских людей из состояния равновесия».

Журналист этот (он просит не называть его имени, чтобы не вызвать гнева редактора журнала) рассказывал мне с некоторым удивлением, что члены «лиги» вовсе не скрывали от него своих действий, свободно называли свои фамилии и вовсе не боялись, что это может привести к их аресту.

«Я спросил Кахане,— рассказывал мне журналист,— как ему до сих пор удается избежать наказания. Он лишь засмеялся в ответ».

Связанные с крайне правыми реакционными кругами Израиля (в частности, с право-экстремистской партией Херут) сионисты из «лиги защиты евреев», конечно, не представляют американский народ, не представляют они и интересов американцев еврейского происхождения.

Однако безнаказанная преступная деятельность «лиги» в течение почти двух лет (из которых по крайней мере год она посвятила целиком антисоветской деятельности) не оставляет сомнений относительно ее связи с могущественными реакционными кругами в самой Америке.

Почти два года вместе со своей «лигой» Кахане занимается откровенно преступной деятельностью, и ни разу еще не нависла над ним реальная угроза наказания, ни разу карающая рука закона не прикоснулась к его шиворотy...

Это случилось несколько дней назад, когда Кахане сказал американским журналистам, что цель «лиги» — «вызвать кризис в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки».

Открыто сказать такое может только человек, потерявший осторожность, который очень уверен в безотказной поддержке где-то наверху.

Сейчас, когда прошло уже почти два года, как возникла в Нью-Йорке «лига защиты евреев», ее деятельность позволяет судить если не о результатах, то о целях ее существования.

На «внутреннем фронте»—в Соединенных Штатах ее главной задачей было и есть отвлечение еврейской молодежи от участия в студенческом, антивоенном, антиимпериалистическом движении, внесение национального раздора и расовой вражды между участниками американского движения борьбы за демократию, за гражданские права.

На внешнем фронте (а здесь — основное поле деятельности «лиги») — злостный антисоветизм, попытка вернуть отношения между СССР и США в состояние холодной войны, настойчивая пропаганда межнациональной вражды.

Эти цели наиболее реакционных сионистских кругов в Израиле совершенно идентичны интересам крайне правых монополистических и милитаристских кругов в США.

Именно такое высокое и могущественное покровительство позволяет Кахане снисходительно смеяться в ответ на вопрос, как ему до сих пор удавалось избежать конфликта с полицией.

Последние уже совершенно наглые вылазки «лиги» и ее фюрера, их цель, цинично и открыто провозглашенная Кахане, вызвали возмущение у многих американцев, в том числе и американцев еврейского происхождения.

Осуждение деятельности «лиги» слышится отовсюду.

И все же Кахане и его подручные до сих пор на свободе. И до сих пор американские власти не могут или не хотят обеспечить советским людям в Нью-Йорке и Вашингтоне элементарную безопасность, необходимую для жизни и работы в этих и без того больных преступностью городах.

Нью-Йорк.

Передано через АПН.

Борис ЩЕРБАКОВ

ПОДВИЖНИК

Сила настоящего искусства в том, что оно, взяв простейшее, обыденное явление, вскрывает его глубокий социально-драматический смысл, показывает его крепкую зависимость от общих условий жизни, от ее коренных основ.

А. М. Горький.

Передвижники... Слово, дорогое для всякого любителя русского искусства. Слово, близкое каждому со школьной скамьи, когда, открывая учебники по русской истории и литературе, мы встречаем репродукции прекрасных творений Сурикова, Репина, Перова, Саврасова, Васнецова, Шишкина, Левитана. Эти встречи с замечательными полотнами русских художников продолжаются всю нашу жизнь, неся нам свет, знание и радость.

Нет, пожалуй, такого музея и галереи в нашей необъятной стране, где бы не были представлены картины передвижников, не говоря уже о наших сокровищницах — Третьяковской галерее и Русском музее, где полотна этих превосходных мастеров показаны исчерпывающе полно. Таково огромное художественное наследие, которое оставило нам это новое течение в русском искусстве XIX века.

Товарищество передвижных художественных выставок... Оно было создано сто лет тому назад, в ноябре 1870 года. Его устав подписали: Иван Крамской, Григорий Мясоедов, Николай Ге, Василий Перов, Владимир Маковский...

Некоторые из них в ту пору были еще мало известны широким кругам любителей живописи, но вскоре их имена стали синонимом нового движения в русской живописной школе. Так, открытая в ноябре 1871 года Первая передвижная выставка положила начало новой эпохе в истории отечественного искусства. Участников этого движения с первых шагов отличало реалистическое видение мира и страстная убежденность в высоком призвании художника-гражданина.

Иван Крамской, один из зачинателей Товарищества, говорил: «Художник, как гражданин и человек, кроме того, что он художник, принадлежа известному времени, непременно что-нибудь любит и что-нибудь ненавидит. Предполагается, что он любит то, что достойно, и ненавидит то, что того заслуживает... Ему остается быть искренним, чтобы быть тенденциозным... Это мое главное положение в философии искусства».

Преданность передвижников идее служения народу, любовь к Родине, их ненависть к темным силам реакции сделали их творчество необычайно народным и действенным. И не мудрено. Ибо как писал Герцен: «Чем кровнее, чем сильнее вживается художник в скорби и вопросы современности,— тем сильнее они выразятся под его кистью».

Еще одно великое качество отличало это замечательное сообщество мастеров — трудолюбие. Стасов, большой друг передвижников и неутомимый пропагандист их искусства, говорил о непременном свойстве членов Товарищества: «Они сказали себе: только тот художник, только тот достоин быть членом нашего нового братства, кто работает, кто постоянно работает, кто не хочет знать, что такое отдых...»

Труд упорный, каждодневный стоит за сотнями полотен, которые оставили нам эти мастера. Только глубокое знание жизни своего народа и любовь к нему, только владение рисунком, колоритом, композицией позволили передвижникам создать холсты, в которых с необычайной силой и остротой предстала жизнь современного им общества, создать картины, насыщенные глубокими, прогрессивными идеями времени, воплощенными в совершенную форму. Это качество художественного произведения присуще всем лучшим полотнам членов Товарищества и ставит крупнейших представителей этого братства, таких, как Василий Суриков, Илья Репин, Исаак Левитан, в ряд с великими мастерами всех времен и народов.

«Никакая хорошая идея моего плохого произведения не сделает прекрасным, потому что хорошую идею непременно надо и передать хорошо, иначе она может произвести совсем не то действие, какое предполагалось». Эти весьма современные для нашего искусства слова написаны одним из корифеев передвижников, Владимиром Маковским, сто двадцать пять лет со дня рождения которого мы отмечаем 26 января нынешнего года...

Владимир Маковский. Этот замечательный художник прожил долгую, полную творческих успехов жизнь. Шестьдесят лет из семидесяти пяти были отданы искусству. Его биография не блещет внешне яркими, драматическими поворотами. Его девизом были труд, мастерство, честность. И он свято исполнял эти заветы.

Нельзя лучше охарактеризовать личность Маковского, чем это сделал один из его многочисленных учеников, Константин Коровин, который, рассказывая о своих учителях, писал: «Перов... Поленов, Маковский — чудные люди... Я вспоминаю этих славных людей, полных, как дети, чистоты и радости. Они были художники...»

Маковский — подвижник. История его жизни вся целиком совпадает с историей создания, расцвета и жизни Товарищества передвижников. Ведь он стоял у его истоков, был соучастником триумфов этого движения и, наконец, естественно, был мишенью для ядовитых стрел противников реалистического искусства. Четыреста картин, бесчисленное количество эскизов, рисунков, иллюстраций — широкая панорама быта русского общества второй половины XIX и начала XX века, в которой он, по словам Стасова, «глубоко и сильно копнул современную жизнь».

Пройдите по залу Третьяковской галереи, где экспонируются картины Маковского, вглядитесь в эти небольшие, лишенные какого-либо внешнего эффекта полотна, и вы увидите жизнь. Старую Россию прошлого века со всеми ее тяготами, бесправием, нуждой. Вас поразит острый глаз художника, его деликатность и ум композитора, и вы услышите биение его честного сердца.

Острословы, критики из декадентских кругов называли Маковского «анекдотистом», «творцом ничтожных рассказиков», а его глубокие, часто наполненные драматическим содержанием картины не считали причастными к «высокому» искусству.

Оставим на совести этих «знатоков» подобные оценки, тем более что имена их полузабыты и стали достоянием специалистов, изучающих ход развития истории искусств. Бог с ними...

Стоит только, пожалуй, вспомнить слова, сказанные Стасовым в защиту реалистической живописи от нападок декадентствующих эстетов. Он называет их «из породы «пачкунов», преклоняющимися перед иностранными образцами. «Пачкуны» могут плевать, если им угодно, вместе с декадентами на то наше искусство, которое всегда брало одну и ту же ноту правды и реализма с Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Тургеневым, Островским, Достоевским, наконец, с Львом Толстым,— они могут плевать, если им угодно, но от этого дело ни на единую йоту не переменится, и мы, русские, все-таки останемся верными сторонниками и поклонниками того, что русский талант и гений создали великого и несокрушимого,— картин Репина, Верещагина, Вл. Маковского, Сурикова и лучших их товарищей».

Это было написано накануне XX века, в 1899 году, но думается, что эти слова весьма современны и сегодня.

Что греха таить, прогрессивное, реалистическое искусство передвижников подвергалось подобной критике и в наше, советское время. Так, в 1922 году на диспуте, посвященном обсуждению сорок седьмой Передвижной выставки, Давид Петрович Штеренберг, заведующий отделом изобразительного искусства Наркомпроса, громогласно заявил с трибуны: «Передвижники — это живые ископаемые, и не тащите нас назад к этим ихтиозаврам». Звучит грозно, не правда ли? Если учесть, что в этот момент в зале, где происходил диспут, сидели живые «ихтиозавры» — замечательные художники-передвижники Абрам Ефимович Архипов, Николай Алексеевич Касаткин, Василий Николаевич Бакшеев и другие, создавшие немало прекрасных полотен русской реалистической школы. Представьте на один миг состояние их души...

Маковский не дожил двух лет до этих минут, но, думается, что последние годы его жизни были не раз испорчены подобными эксцессами.

Не раз подвергалось «ревизии» искусство передвижников и в более поздние годы, но от этого оно не становилось ни на одну йоту хуже. Наоборот, с каждым годом все сильнее становятся в искусстве тенденции к новому расцвету реализма. Мир устал от гримас и уродства, и происходит некая инфляция модернистских извращений в живописи.

В этом свете любопытны события, происшедшие минувшей осенью в осеннем Парижском салоне.

«Развитие искусства,— писала «Юманите» в связи с «осенним салоном»,— всегда сопровождалось приливами и отливами. После чудовищной инфляции сфабрикованных гениев, после волн чрезмерной и торжествующей бесформенности... после завихрений «реализма без берегов» и перегара, остающегося от «новых способов изображения», после всех этих «поп-искусств» и авантюры «повествовательной абстракции» нетрудно различить, по крайней мере в отношении художников, еще способных на это, возвращение к известной традиционной дисциплине, которая всегда, на протяжении веков, превалировала после кризисных моментов».

Реализм побеждает! И в этом огромная заслуга нашего советского изобразительного искусства, выстоявшего, несмотря ни на что, на позициях реализма, развивая и продолжая великие традиции реалистической школы, и показавшего пример всему миру...

Что же касается до любителей всяческих «измов» и «артов», как они не немногочисленны у нас, им стоит прочесть строки Стасова: «Все декадентство наших декадентов состоит только из декадентских разговоров про европейских декадентов. Когда те окончательно смолкнут и стушуются, наши жалкие обезьяны, конечно, тоже тотчас подожмут хвосты и замолчат навеки».

Вещие слова!

В. Маковский. 1846—1920. ВЕЧЕРИНКА. (Фрагмент). 1875—1897.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Маковский. 9-е ЯНВАРЯ 1905 ГОДА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ. 1905.

Музей Революции. Ленинград.

НА ВЫСЕЛКАХ

Георгий МАРКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

И страшно и увлекательно было в лесу, на неторном проселке вечером. Катя шагала вслед за Машей, временами забывая — не то явь перед ней, не то сон или какое-то видение, выхваченное из тайников памяти. Изредка на выставках в Петрограде ей доводилось видеть такие вещи: раз посмотришь и запомнишь навсегда. Порой они всплывали в сознании без особых усилий, живо, ярко, во всей своей цветовой неотразимости. Может быть, и теперь это была работа памяти?

Нет, приходилось производить усилия: двигать ногами, размахивать рукой, прислушиваться к тишине, которая не просто существовала, была, а захватывала тебя в полон, обкладывала незримой стеной, сквозь которую пробивалось лишь одно: скрип снега под пимами.

Небо вызвездилось, неохватно изогнулось над примолкшим лесом, опустило свои расцвеченные края, похожие на шатры, в посеребренную чащу. Месяц выплыл из-за холма, встал на дыбки и сиял весело, с молодым задором. Катя окинула взглядом Машу и не узнала ее. Охваченная куржаком с ног до головы, она походила сейчас на елочку, которая вот вдруг сошла с обочины и зашагала по санному следу, увлекая и ее, Катю, за собой. Катя впервые в жизни оказалась в зимнем лесу в вечернюю пору и примолкла, пораженная нерукотворным волшебством природы.

Долго ли, коротко ли шли они до выселка, Катя не могла как-то определить. Судя по тому, что ноги под коленями стали подламываться, а легкие и теплые Дунины пимы отяжелели, Катя сообразила, что идут они давненько.

— Теперь, Катюш, близко. Сейчас лог перейдем, и хутора — вот они,— сказала Маша полуобернувшись.

— Маш, ты вся в серебре с позолотой. И ресницы даже светятся! — воскликнула Катя.

— А ты сама-то! Как снегурочка из сказки. Морозит, Катюш!

— А серые волки здесь есть?

— А куда же они девались?! И не из сказки, а самые натуральные, с клыками. Каждый год у хуторян скот режут.

— Я боюсь, Маша! — нисколько не рисуясь, совершенно откровенно призналась Катя.

— Бог милостив! А на всякий случай, видишь, у меня клок сена под мышкой и спички в руке. На огонь они не пойдут,— вполне серьезно, но спокойно, как о чем-то самом обычном, сказала Маша.

И только теперь Катя увидела то, что не приметила вначале: Маша несла под мышкой крепко стиснутый клок сена, который она прихватила молчком из кошевки. И ничто другое — ни темный, закуржавевший лес, ни забитый ранним снегом лог, с незамерзающим и булькающим на морозе ручьем, ни эта тишина, сковавшая землю,— ничто с такой силой ощущения не напомнило Кате, где она, что с ней, как этот клок сена под мышкой у Маши и ее слова: «...а самые натуральные, с клыками».

Сибирь... Она в Сибири... Умопомрачительно! Приехала сама, вызвалась добровольно... Если б кто-нибудь пять лет назад предрек бы ей все это, она бы сочла того сумасшедшим.

— Ну, отдохни, Катюш. Устала ты без привычки. И волки нам тут не страшны. Чуешь, избами пахнет,— сказала Маша, останавливаясь на гребне лога. Катя дышала с перебоями, грудь ее под полушубком вздымалась, она хватала открытым ртом холодный воздух.

— Вот черт, привыкла в Петрограде на трамваях ездить... Чуть что — устаю,— осудительным тоном сказала о себе Катя.

— Втянешься, Катюш,— успокоила ее Маша и полуобняла за плечи.— В Сибири ноги — главный струмент. Это наша мама говорит. Пойдем теперь потише.

Чудом отыскивая тропку на белом снегу, Маша вывела подружку прямо к избе.

Собака выскочила в подворотню, кинулась на девушек с хриплым лаем, но Маша окрикнула ее: «Цыц, Пальма, свои!» — и собака закрутилась волчком, разметая снег под собой и подвывая жалобно и уж очень виновато, извинительно.

— Смотри-ка, помнит! С Дуней по осени по грибы сюда приезжали,— объяснила Маша.

Приближаясь к избе, Катя все острее испытывала интерес к тому, что ей предстояло узнать. Жизнь крестьянства... его нужды, беды... его сокровенные помыслы... Крестьянство в Сибири. Тут ведь нет помещичьего землевладения... Совсем иные условия, чем в центральных губерниях царской империи... Катя много читала книг по крестьянскому вопросу... Она знала книги русских экономистов и статистиков, труды Берви-Флеровского, Ленина, политику большевиков в отношении крестьянства... Но все это было теоретически, теперь жизнь сталкивала ее с крестьянским бытом лицом к лицу. И она внутренне волновалась, ибо представляла, какой строгой проверкой ее убеждений будет это столкновение.

У ворот девушек встретил мальчишка в длинной, до пят отцовской шубе, в папахе, надвинутой на глаза. В сумраке он не узнал Машу и потому спросил грозно, насколько позволял ему звонкий голосок:

— Кто там идет?

— Кирюшка, это я, Маша.

Мальчишка кинулся во двор с восторженным воплем:

— Мам, Машутка пришла!

Через полминуты мальчишка снова выскочил за ворота, а вслед за ним появилась высокая женщина, в полушубке под опояской, в пимах с загнутыми по-мужски голяшками, в платке, повязанном узлом у подбородка, в рукавицах.

— Ой, Маша! Откуда ты взялась? — заговорила женщина с радостными нотками в голосе.— Знать, примета-то в руку: сегодня сорока у нас на задах с самого утра так и строчила, так и строчила. Кирюшка — дрова мы пилили — крикнул ей: «К гостям или к вестям?» Она вспорхнула, хвост распустила, полетела в сторону тракта. Ну, а он у меня все об одном: «А вдруг, мама, тятю сорока нам ворожит?»

Женщина обняла Машу, осмотрела в сумраке Катю, приветливо поздоровалась с ней за руку. Маша отрекомендовала Катю как свою подружку по типографии.

Вошли в избу. Мальчишка опередил всех, кинулся зажигать светильник.

— Керосину, Машенька, нету, при мигалке живем.

— Его и в городе нету, тетя Зина.

— А ты раздевайся, Катя. Проходи вот сюда, за перегородку,— пригласила женщина.— Тут у нас вроде горницы.— В голосе ее послышалась усмешка.— Сынка, Киря, быстренько слазь в подполье, там за лестницей, на кадушке, свечи у меня лежат...

— Не беспокойся, тетя Зина. Видно,— попыталась остановить ее Маша.

— Ну что ты, Машенька, как можно?! Уж так я рада. Все ли у вас живы-здоровы?

Когда Кирюшка запалил толстую свечу, выкатанную из смеси воска и сала, Катя осмотрела избу. Она была разделена тесовой беленой перегородкой на две половины. В передней стояла русская печь, железная печка, стол, кровать в углу. Во второй половине избы Катя увидела круглый стол под скатертью из кружевной вышивки, еще одну кровать, застеленную стеганым одеялом, и шкафчик из некрашеных досок. Простенок между окнами весь был завешен фотографиями в простых рамках, под стеклами. По углам висели пихтовые ветки. «Чисто, уютно»,— отметила про себя Катя и только теперь, при свете толстой, потрескивавшей свечи рассмотрела по-настоящему Машину тетку. Статная, полногрудая, со спокойным взглядом больших глаз, с роскошными русыми волосами, собранными в тугой узел на затылке, женщина произвела на Катю большое впечатление. Было в ней что-то истинно земное, истинно женское. Она говорила не спеша, приятным голосом, лицо ее с правильными чертами было приветливым, улыбчивым, но и серьезным в то же время. «Основательная женщина, и нет в ней и тени забитости, хотя, наверное, живет-

---

Отрывок из второй книги романа «Сибирь». Полностью печатается в журнале «Знамя».

ся ей трудно: кругом одна»,— подумала Катя неотрывными, скорее даже завороженными глазами наблюдая за женщиной.

Зина была младшей родной сестрой Машиного отца. Замуж вышла рано, выбрав из всех женихов, сватавшихся к ней наперебой друг другу, самого бедного, но и самого желанного. Первые годы совместной жизни они провели в людях. Работали, не щадя ни сил, ни времени. Наконец удалось скопить денег на покупку коня, потом с помощью соседей срубить избу, обзавестись телком, терпеливо ухаживать за ним и к исходу третьего года принести со двора молоко от собственной коровы. Это был час незабываемого торжества, не сравнимый ни с чем.

Когда среди крестьян Сибири началось движение за выход из сельских обществ на отруба, Кузьма Новоселов, муж Зины, не устоял против соблазна жить рядом с наделом, не только дневать, но и ночевать на земле. Слава богу, труд их с Зиной принес-таки свои плоды: хлеба своего хватало до нового, в хлеву появились овцы и свиньи. О богатстве Кузьма не мечтал, но ему хотелось быть ровней с другими, выбиться в «середнее сословие» крестьян-мужиков. Тут, на отрубах, все было ближе для достижения такой цели, взлелеянной в думах.

Но судьба рассудила по-другому. Всего лишь неполных два года прожил Кузьма на отрубах. Грянула война. В первую же мобилизацию Кузьму призвали. А потом — кратковременное пребывание в учебном полку, маршевый батальон, фронт, бои и... безвестность. Шел уже третий год, как от Кузьмы не было ни слуху, ни духу. Одному господу было известно, что с ним стряслось: не то он погиб, не то попал в плен, не то, оказавшись обезображенным калекой, решил дожить свои дни где-нибудь в доме призрения, не коверкая жизни своей жены-красавицы.

Катя все это узнала от Маши из ее короткого рассказа еще там, на постоялом дворе в Михайловке, когда та решила, что местом их ночевки будет изба тетки на выселке.

Теперь, оказавшись в этой избе, она почувствовала неудержимое желание расспросить Зину обо всем, как можно больше узнать о ней, составить полное представление об этом затерянном в лесах Сибири маленьком поселке. «Все-таки любопытно, как тут живут, о чем думают. Проникла ли сюда хоть маленькая искорка революционного настроения»,— рассуждала про себя Катя.

Зина с помощью сынишки быстро собрала на стол, скипятила самовар и пригласила девушек ужинать. Присматриваясь к ловким, плавным, очень рассчитанным движениям Зины, Катя про себя определяла возраст женщины. «Ей лет двадцать восемь, от силы тридцать»,— думала она. Когда Зина вышла зачем-то в сени, Катя решила проверить себя, спросив Машу.

— Двадцать девять лет ей, Катюш. А Кирюшке десять. Ну а дядя Кузьма, по-моему, на один год старше тети Зины,— ответила Маша.

Как всякая добрая, предусмотрительная хозяйка, Зина умела угостить, кое-что приберегла на такой случай. На столе было заливное из свиных ножек, соленые грибы и огурцы, жареная картошка, черная смородина в медовом соусе, свежеиспеченный хлеб, хотя и ржаной, но такой духмяный, вкусный, что аромат его перебивал даже запах укропа в огуречном рассоле. Чего не было, так это чая.

— Вместо чая пьем сушеный малиновый лист. Все-таки не голая вода,— извиняясь за скромность угощения, сказала Зина.

— Да что вы, Зина! Вон вы сколько всего выставили. В городе давно уже отвыкли так есть,— сказала Катя, все больше и больше чувствуя расположение к молодой женщине.

Ну, а дальше разговор пошел как-то сам собой, и Кате не потребовалось и вопросов-то задавать. Зина рассказывала обо всем охотно, с полной откровенностью, чувствуя, какой искренний интерес питают ко всей ее жизни городские девушки.

— Голодом пока не сидели, нет! Сказывают, в городах-то край подходит. А у нас как-никак все свое! Картошка, капуста, овощ разный, грибы вот. И брусники насобирали. А вот с чем худо — с одевой. У меня-то кое-что было, ну, обхожусь худо-бедно. А парень-то растет. Ему штаны надо, сапоги надо, полушубок, шапку надо. А где их взять? У Кузьмы и у самого ничего не было, а если что и оставалось — давным-давно перешила. А он у меня непоседа, бедовый, на нем все, как на огне, горит.— Зина ласково поглядела на притихшего за столом сынишку. Кирюшка потупился, покраснел, дергал себя за светлый чуб. Зина продолжала: — Зато уж и помощник он у меня! Во всем, во всем. И на полях, и во дворе, и на огороде. Без него лихо бы мне одной! Порой и знаю, что мучаю его работой, непосильно десятилетнему за взрослыми тянуться, а что делать? Нас ведь все-таки трое...

И тут Катя впервые обратила внимание на печь. Там кто-то шебаршил, трогал занавеску, и она колыхалась. Зина поймала ее вопросительный взгляд, пояснила:

— Свекровь со мной живет. И не так уж сильно старая, а болеет, ухода за собой требует.

— Ну, а Кирюшка-то грамоте учится? — спросила Катя.

— Ох, и не говорите! Уж так меня это точит — слов не нахожу. Пока не учится. Школы на выселке нету, а отправить его в село тоже мне не с руки. Надо его во что-то одеть-обуть, на квартирку к чужим людям поставить, платить за это. Да и с кормежкой не просто. Тут-то, дома, когда сыт, когда немножко и недоел — не умрет. А там-то и это надо дать, и то привезти. А самое-то главное: как я без него? Мне и дров не с кем будет напилить. И опять же знаю, необходимо парня грамоте учить, а как? Сама-то я три зимы в школу ходила, не скажу, что хорошо грамоту знаю, а все-таки все, что нужно, и сосчитаю и напишу, а при случае и другим даже помогу...

— А мне мама букварь купила, и я все буквы выучил,— робко похвастался Кирюшка и снова покраснел и потупился.

— Вот и молодец! Теперь из букв слова учись составлять,— сказала Катя и ласково погладила мальчика по его мягким волосам.

— Пробуем мы! Да времени-то у нас с ним недохватка. Иной день так он у меня намучается, что едва-едва дотянет ноги до постели и засыпает как убитый...

«Ах, как тебе не просто, как тебе трудно»,— заглянув Зине в ее широко открытые глаза, с сочувствием подумала Катя.

Вдруг за окном залаяла собака, сердито, остервенело.

— Кто-то идет,— несколько встревоженно сказала Зина, порываясь встать из-за стола.

— Мам, я сбегаю, встречу,— рванулся Кирюшка и в одно мгновение накинул на себя шубу, нахлобучил шапку.

— Не боится? — вопросительно поглядывая на Машу, спросила Катя.

— Отчаянный! — воскликнула с гордецой в голосе Зина.

— А все-таки... вечер... темно,— сказала Маша и поднялась. Как и Катю, Машу сейчас беспокоило одно: не вздумал ли Карпухин искать их на выселке? Лука-то, конечно, не выдал девушек, он обещал это твердо, но вот зубоскал-старик не только мог рассказать, куда они направили путь, но, небось, еще и подъелдыкнул над Карпухиным: «Эх ты, дескать, Аника-воин, девок и тех не мог уберечь...»

В замерзшие окна, заткнутые клочками кудели, донесся скрип полозьев и бойкий голосок Кирюшки, старавшегося умерить рассвирепевшую Пальму.

— Ты сиди, Маша,— усадила Зина племянницу на прежнее место и подошла к окну, тщетно стараясь хоть что-нибудь рассмотреть.— Ну, кто приехал, тот уж все равно нас не обойдет,— махнула она рукой и вернулась к столу.

Запыхавшись, вбежал Кирюшка, с тревогой крикнул:

— Мам, к тебе зачем-то Евлампий Ермилыч!..

Зина встала, повернулась к полуоткрытой двери, смотрела туда, в сени, и лицо ее вдруг сделалось напряженным, каменным.

Медленно вошел низкорослый мужик в расписных пимах (красные завитушки по белым голяшкам), в черном полушубке с воротником, в черной мохнатой папахе. Папаху скинул с головы, обнажив волосатую круглую голову, широко размахнул рукой, придерживая кожаную рукавицу под мышкой, начал креститься, устремив глаза на икону, в передний угол.

— Здравствуй, хозяюшка! — Голос у мужика неторопливый, но сиплый, глуховатый, простуженный или надорванный криком.

— Проходите, Евлампий Ермилыч, проходите. Милости прошу,— склоняясь в легком поклоне и с дрожаниной в голосе сказала Зина.

— А уж нет, не пройду, Зинаидушка, не пройду. По делу пришел,— почти ласково, но с ноткой загадочности в тоне, от которой можно было ожидать и радостное и печальное, сказал мужик.

— Ну, тогда хоть присядь, Евлампий Ермилыч.— И Зина придвинула табуретку к мужику.

— И опять же, Зинаидушка, не присяду. Дело не терпит.

— Коль так, сказывай, Евлампий Ермилыч,— сокрушенно проронила Зина.

— А ведь, небось, и сама знаешь,— твердо сказал мужик.

— Овес,— выдохнула Зина.

— Он, Зинаидушка. Овес. И поспеши. Знаешь сама: отечеству и царю-батюшке поставляю. Ждать им некоЛи. Супостат прет оравой.

— Ну где ж я сейчас возьму его тебе, Евлампий Ермилыч? Ведь он в поле, в клади. Его надо привезти, высушить в овине, обмолотить, провеять...

— В мешки ссыпать и ко мне на двор привезть,— перебил Зину мужик, нахлобучив черную папаху до самых глаз, и закончил с угрозой.— Поспешай, Зинаидушка. Не вводи меня во грех.

Мужик вышел, не оглядываясь, хлопнул дверью с силой, даже в промерзшем окне звякнуло стекло.

— Кто это, Зина? — недоуменно переглядываясь с Машей, спросила Катя.

— Хозяин.

— Хозяин чего?

— А сказать по правде — хозяин всего нашего выселка.

— По какому же праву, Зина? У вас тут сколько дворов-то?

— Богатый он, Катя. И по этому праву хозяин.

— Давно выселок существует? — поинтересовалась Катя.

— В двенадцатом году переехали мы из села. Вовек себе не прощу, что поддалась на уговоры мужа. С первого дня столько мы хлебнули горького, что и теперь страшно...

— Ну-ну, Зина, расскажи, пожалуйста, как все было.— Катя уселась поудобнее, втайне сожалея, что не сможет кое-что сейчас же записать. С первых Зининых слов Катя поняла, что выселок — порождение столыпинской земельной реформы. Тысячи крестьян были увлечены царскими властями и их кадетско-эсеровскими прихвостнями на путь, принесший им вместо обещанной самостоятельности и благоденствия новое разорение и чудовищные страдания.

Катя была еще совсем зеленой гимназисткой, когда услышала от брата резкую критику политического курса царского правительства на разобщение крестьянства и насаждение кулачества способом выхода крестьян на отруба и выселки. Потом она сотни раз сталкивалась с этим вопросом, читая большевистские газеты и листовки подпольных комитетов партии. Однако по ее представлению земельная проблема со всей своей остротой существовала лишь в центральных губерниях России, в условиях помещичьего землевладения и крайней ограниченности земельных угодий. И вот сверх ее ожидания здесь, в Сибири, крестьянство переживало те же самые беды, о которых с такой страстью говорили большевики там, в России...

Катя смотрела на Зину неотрывными глазами, про себя пораженная удивительным свойством общественной борьбы людей в жизненном опыте одной семьи, в опыте одного человека вмещать самые существенные вопросы современности, все их кричащие противоречия и антагонизмы!

— Все началось, Катя,— рассказывала Зина,— со сходок. Жили мы в деревне тихо, мирно, а тут вдруг заполыхалось все. Наехали какие-то начальники из волости, из города, начали обещать мужикам молочные реки и кисельные берега, если они выделятся из общества и отправятся на отруба. Мой-то муженек и клюнул на эту наживку... Молодой был, доверчивый, после смерти отца остался за хозяина.

Набралось нас четырнадцать семей. Землю нарезали, правда, быстро. Принялись перво-наперво перевозить постройки... Ну, пока наши избы стояли на месте, казалось, вроде живем под крышей и век жить будем. Тронули мы свою халупу, и поползла она. Стояки и венцы подопрели, углы источил червяк. На новом месте пришлось добывать лес, подновлять. А на все время требуется, деньги. Надворные постройки — амбар, хлев, баня — и того хуже. Рассыпались еще на месте. Ночей мы с Кузьмой не спали, силы надрывали, чтоб хоть маломало дыры-то залатать...

Земли тут оказалось с лихвой. Надел нам нарезали щедро. От метки до метки две версты с гаком. А только пахотной земли — с ладонь. Все остальное то заболочено, то залесено. Весна пришла — надо сеять, а сеять негде. Опять мы впряглись с Кузьмой в непосильную работу: днем корчуем, ночью лес и корневища жжем... Урожай молодые земли дали хороший... Гляди, и жили бы с горем пополам. А тут вдруг эта лихоманка — война... И оказались мы, бабы, как зайцы дедушки Мазая, на островке...

Евлампий-то Ермилыч и поначалу был с достатком, а уж когда бабы остались одни, взял он власть над всеми. В первый же год войны позабрал он все наши раскорчеванные земли. Все позасеял овсами. А с этого года и нас принудил сеять овес...

— А как ему это удалось? — спросила Катя.

— А удалось просто! На овсе одном не проживешь: человек не конь. Ну вот, он нам рожь на семена, а мы ему овес в чистом весе. Из последних сил стараешься, а деваться некуда. Теперь, вишь, требует положенное. А мы ведь всю осень на его же овсах работали. На него — неделя, на себя — день... Еще, слава богу, по мирному обошелся, кричать не стал. Видать, заметил, что в избе посторонние люди.

Пока мать рассказывала девушкам о житье-бытье, Кирюшка прополз с лавки под стол и юркнул к бабке на печку. За день парень притомился, его клонило в сон. Ему, конечно, интересно было, что станут рассказывать о городской жизни гости, но мать принялась говорить о своем, а уж это скорого конца не предвещало. Знал Кирюшка, что любила его матушка покуковать про свою долю.

Катя долго не отступала от Зины, старалась расспросить ее обо всех деталях взаимоотношений с Евлампием Ермилычем, вникнуть в правовые и экономические подробности предпринимательской деятельности хозяина выселка. «Помещик, ростовщик, эксплуататор, угнетатель» — такими словами отзывалось ее сознание на рассказ Зины.

После Кирюшки сдалась Маша. Не дождавшись конца разговора Кати с Зиной, она легла на кровать, придвинулась как можно плотнее к стене, освобождая две трети кровати подружке, и уснула быстро и беззаботно.

А Катя и не думала о сне. Заглядывая в милое, доверчивое лицо Зины, будя своими вопросами в той незаурядные способ-

ности думать о своем и чужом горе, охватывать крестьянское бытие и с той стороны и с этой, Катя подбиралась к самому главному: а в чем же Зина видит выход из этой постылой, изнуряющей человека жизни? А готова ли она сама хоть какую-то частичку собственных сил отдать переменам, без которых дальше уж просто невмоготу?..

— Стеньку б Разина, Катя! Он бы поднял хоть самых смелых! — понизив голос и тоном полного доверия, как самое сокровенное, единым вздохом сказала Зина.

— Один храбрец что сделает? — слукавила Катя, втайне желая, чтоб Зина выговорилась до конца.

— Э, был бы заводила! — как-то уж очень мечтательно выкликнула Зина и, помолчав, добавила: — Нас, баб одних, не пересчитаешь. А мужикам нонче тоже не легше! А только, где он — Стенька-то Разин?! Крепко прижат народишко, не дадут ему не то что спину разогнуть, а даже чуть голову приподнять...

Зина вздохнула и опустила свои крутые плечи, словно ударили ее по ключицам. И в этот миг Катя вдруг почувствовала, что, какие бы ей опасности ни грозили, как бы ни сложились ее обстоятельства завтра, она не может уйти от Зины, не рассказав ей о назревании в России социальной революции, о силах, которые в отличие от Стеньки Разина доведут дело освобождения трудящихся до конца.

Умная, чуткая Зина слушала Катю, сдерживая дыхание. Ей давно уже казалось, что не могло на Руси не оказаться людей, которые бы, видя такое бедственное положение народа, не задали бы себе вопроса: где же выход? Какими путями вывести огромную страну из той глубокой пропасти, в которой она оказалась? И сейчас Зине было хорошо оттого, что в своих предчувствиях она не ошиблась, что люди, для которых судьба народа была превыше всего, стояли уже на своих местах. Поняла Зина и другое: хоть Катя и назвалась типографской подружкой Маши и дружила, видно, с ней не один год, по образованию, по знаниям была она выше племянницы на две головы.

Свечка давно догорела, погасла. Катя и Зина сидели в темноте. В уголок окна, оставшийся незамерзшим, вливался в избу серебрящийся свет месяца. Железная печка гудела, раскаленные ее бока пылали в темноте красными фонарями, в дырочки дверцы падали отблески пламени. За окном посвистывал ветер, поскрипывали на морозе стропила крыши, пригоршни колючего снега стучали в стену избы.

Катя и Зина легли спать далеко за полночь. Зина пристроилась на кровати в прихожей, а Катя осторожненько, боясь разбудить Машу, расположилась рядом с ней. После такого разговора заснуть не просто. Зина перебирала в уме все, что ей рассказала Катя. Было чему подивиться! Впервые Зина узнала о подпольной партии рабочих, о преступлениях правительства, бросающего народ в кровавую бездну войны, о предательстве в царской фамилии, о пройдохе и конокраде Гришке Распутине, ставшем фактическим повелителем в великом российском государстве, о революции рабочих и крестьян, которую знающие люди считают неизбежной, как снег в зимнюю пору или дождь с наступлением весны...

Оберегая покой подружки, Катя лежала на одном боку, не рискуя даже повернуться. «Близится революция, близится... Уж если в сибирской глуши крестьянка мечтает о Стеньке Разине, то что ж еще надо? Эта революция выстрадана низами, она будет делом их рук», — размышляла Катя, борясь с этими мыслями, гнавшими сон прочь, и вместе с тем подчиняясь им, отдаваясь их безудержному, стремительному потоку.

И все-таки она уснула. И два-три часа спала крепко, без сновидений. А проснулась тревожно, словно от толчка в мозг. Ей почудилось во сне, что кто-то плачет, сдерживает рыдания, рвущиеся из груди. Катя открыла глаза. Над ней белел потолок, подсвеченный холодным блеском месяца. Рядом спокойно и глубоко дышала Маша. В ту же минуту Катя услышала сдавленный всхлип. Он доносился из-за перегородки. Кате захотелось немедленно вскочить и кинуться на помощь, но голос Зины остановил ее. Страстным шепотом, разносившимся по всей избе и прорывавшимся всхлипываниями, она кому-то говорила:

— Не пойду я за него, не пойду! Ну зачем он меня казнит чуть не каждую неделю?!... Не вдова я! Солдатка я!.. Живой Кузьма! Чует мое ретивое — живой! И шагу не ступлю из своей избы, пока не пройдет война, не вернутся солдаты по своим домам...

— Сгубишь свою красоту, Зинаида, — прервал Зинины стенания чужой женский голос.

— Уйди, Прасковья, не тирань меня, уйди, — взмолилась Зина.

Скрипнула дверь, потом захлопнулась, и голоса переместились в сени и потонули там. Наступило безмолвие.

Катя смятенно подняла голову с подушки. Ей было стыдно, что она невольно услышала этот короткий, но до предела напряженный разговор, вероятно, стоивший Зине больших душевных сил. Кате казалось, что она подсмотрела в щелку интимную жизнь другой женщины. Гадко было ей, непереносимо стыдно. Но не только стыд жег ей щеки, ей было больно и горько за судьбу этой женщины, жалость к Зине схватила ее за сердце. «Боже мой, какая же она подвижница! Мало ей бед вдовьих, мало ей горя одинокой крестьянки, даже ее красота, этот дар природы — и это оборачивается против нее», — разгоряченно думала Катя.

Потребовались долгие минуты, чтоб возбуждение улеглось. Соизмерив еще и еще раз все происшедшее в тиши ночи, Катя убедила себя, что ни в чем, совершенно ни в чем она перед Зиной не виновата. Ну, проснулась не вовремя, ну, услышала, не догадавшись чем-нибудь заложить уши... Стыд прошел наконец, а вот боль, горечь не проходили, и сердце словно кровоточило, и Зина становилась близкой и дорогой, как сестра, как человек, с которым много-много прожито на этой желанной и жестокой земле.

А между тем утро приближалось. Зина возвратилась из сеней, а может быть, и с улицы и принялась хлопотать возле печки. Она двигалась по избе осторожно, ухитряясь даже поленья засовывать в печь без стука. Но вот поднялся Кирюшка. Мать несколько раз шикала на него. Да только легко ей было приказывать. Он разливал по чугункам воду, готовя пойло корове, толок в ступе свекольную ботву свинье... Попробуй-ка, притронься жестяным ведром к чугунку, чтоб никто этого не услышал...

Катя встала. Маша очнулась и поспешила одеться. Они умылись из рукомойника, висевшего над лоханью около двери.

Зина схватила подойник, намереваясь пойти подоить корову. Но Маша перехватила из ее рук белое ведерко и вызвалась заменить Зину. Хотя теперь она и городская жительница и одна рука у нее не в порядке, а все-таки из деревни, не пристало ей забывать крестьянский труд.

Завтракали богато: вареная картошка с укропом и солеными грибами, молоко, паренки из брюквы — пахучие, сладкие, всю ночь протомившиеся в вольном духу в печи, в глазурованном горшке.

Ради гостей хозяюшка снова не пожалела свечку, перерезала ее пополам, запалила в двух местах — над столом у божнички и в прихожей. Когда рассвело, Маша объявила, что пора в путь.

Зина провожала девушек до самого лога. На прощание поцеловала Машу, а Катю обняла крест-накрест, крепко прижала к себе. Красивые, полные губы Зины скорбно вздрагивали, строгое лицо ее было печальным, большие густо-серые глаза излучали добро напополам с печалью.

СТ

СМОТРЯТ КУРГАНЫ...

Ты, степь моя, всегда была сурова.
　Тебя, безводную, привык
С худою и недойною коровой
　Так метко сравнивать калмык.
Росою здесь не умывались травы
　Под грузом пыльной пелены
И падали, как бы вкусив отравы,
　Желтухой солнечной больны.

Свершилось чудо на песчаном лоне.
　А кто кудесник? Человек!
И воды — необъезженные кони —
　В сверкающий пустились бег.
И в сторону отпрянули курганы:
　Они, как бы из давней мглы,
С восторгом смотрят на поток желанный,
　А на плечах у них орлы.

ОДА ЧАБАНУ

1

Я вижу чабана: всегда, и в зной и в холод,
Отару он пасет на пастбище степном,
И солнце — светоч наш, который вечно молод, —
Мне тоже кажется калмыцким чабаном.

Вот, солнце уложив — таков обычай старый, —
Баранов и овец чабан уводит спать,
И, как фонарь, луну повесив над отарой,
Он варит на костре джомбу... О благодать,
Еда горячая! В честь солнца этот ужин,
В честь друга лучшего! Отведав с солью чай,
Он трубку закурил, подумал: «Дождик нужен,
Чтобы зазеленел черноземельский край».

Вчера за Яшкулем я их обоих встретил:
В обнимку шли чабан и солнце на лиман...
О, если б с солнцем все дружили, как чабан,
То как бы этот мир сиял, красив и светел!

2

Я двери распахну пред ним, как пред отцом,
Как школьник, шапку я сниму пред ним, всесильным:
Чабан господствует на пастбище ковыльном,
В степи считается он главным мудрецом.

И это правильно: он пестует упорно,
Растит своих ягнят, как мудрый дед — внучат,
И, словно степь весной, душа его просторна,
И, словно летний зной, чабан теплом богат.

Как жадно слушает он песни ветровые!
Он знает: на родном, понятном языке
Они звенят... Обед. А травы луговые
И псы на ветерке стоят невдалеке.

Михаил **ХОНИНОВ**

ЕПНАЯ ЛЕТОПИСЬ

...И мой отец — чабан. Среди песков равнины
Я с малых лет скакал на спинах скакунов.
Не нужен ветер мне, чтоб чуять дух
полынный,
Вот почему всегда я славлю чабанов.

В ОТЦОВСКОМ ХОТОНЕ [1]

Когда я бываю в отцовском хотоне,
Я чувствую мягкого ветра ладони.
Вчера ль это было? Отец или мать
Меня, мальчугана, сажали на спину,
Им весело было, закутав в овчину,
Любимого сына по юрте катать.

Дорога от смеха краснела, бывало,
Когда рано утром меня узнавала.
Ложилась она, как лохматый верблюд.
Казалось, внимал я широкому долу:
«Беги поскорей, не опаздывай в школу,—
И марева вместе с тобой побегут!»

...Я спрыгнул с машины в ликующий праздник.
Хотел побежать, но мой сын-первоклассник
Быстрей оказался. Смотрю ему вслед
Сквозь прожитых лет поредевшую дымку:
Не я ль это, маленький, с ветром в обнимку
Бегу босиком — и мне удержу нет?
А школа вдали, как корабль у причала,
И каждым окном, как мальчишка, кричала,
Я кланялся ей, как трава-аржанец.
Я рос в Цаган-Нуре [2], и вместе со мною
Он вырос, овеянный волей степною
И лаской певучею чистых сердец.

Как резвый теленок, вставал я с росою,
Я мчался, как будто ужален осою,
Вприпрыжку скакал, как конек-сосунок.
Я помню ленивый журавль у колодца,
Я помню — отец надо мною смеется,
Советуя: «Будь осторожен, сынок...»

[1] Селение из нескольких кибиток.
[2] Название селения.

ЛИКИ СОЛНЦА

Трудная дописана страница,
Слово наконец зажглось в строфе.
Выхожу, закатный свет струится,
Отдыхает день в степной траве.

Вижу: посреди родных раздолий,
Где ковыль белеет и блестит,
Солнце, словно Джангар на престоле,
На кургане царственно сидит.

Солнце тоже кончило работу,
Но печать раздумья на челе.
Мне ли не понять его заботу
О грядущем утре на земле!

Но сиянье так блаженно длится,
Что о солнце я подумал вдруг:
На руках у дедушки-счастливца
Улыбается впервые внук.

РАССВЕТ

Когда в небесный свой микрорайон
Ночной уходит сторож — месяц яркий,
Встает заря, украсив небосклон
Косынкой красною, под стать доярке,
В которую один чабан влюблен.

И вот спешит рачительный и строгий
День, как хозяин всех цехов земли,
Предшественника изучить итоги,
Чтоб мы, работая, вперед пошли,
Одолевая трудные дороги.

О, как тебя воспеть, степной рассвет,
Исполненный стремительного жара!
Ты умный труженик во цвете лет,
И не с тебя ли мне писать портрет
Прославленного сталевара!

ЕЩЕ Я НЕ БЫЛ ПОЭТОМ...

Еще я не постиг поэта труд высокий,
Когда я с граблями ходил на сенокос.
Вот почему в свои бесхитростные строки
Я мягкий шелест трав и звон косы принес.

Еще не думал я, что сделаюсь поэтом,
Когда я неуков приучивал к седлу.
Вот почему в стихе, моей душою спетом,
Могучим скакунам вы слышите хвалу.

Еще не знал, что мне поэтом быть придется,
Когда колодцы рыл я в юные года.
Вот почему в стихе, как в глубине колодца,
Пусть будет мысль моя прозрачна, как вода.

Еще не снилось мне, что я поэтом буду,
А не был одинок, я жил среди людей.
Вот почему в стихах стремлюсь всегда и всюду
Нести добро и свет родной земли моей.

БОГ ПОЭЗИИ

Зная возраженья наперед,
Утверждаю: только сам народ —
Высший бог поэзии.
И не уважает свой народ
Тот поэт, что о себе орет:
— Я есть бог поэзии!

МОЛОДАЯ ЛУНА

Облака скопились в беспорядке,
А за ними прячется луна,
Словно девушка играет в прятки
С тем, в кого всем сердцем влюблена.

С юностью вступаю в перекличку,
Хоть года проходят чередой,
И порою девушку-калмычку
Путаю с луною молодой.

ВЕРБЛЮДЫ

Верблюды движутся — и это наши дни:
Двенадцать месяцев — двенадцать караванов,
Вечерние огни являют нам одни,
Другие состоят из утренних туманов.

А было: черные верблюды шли с трудом,
Чернее, чем кошма кибитки дымной, дряхлой.
Им скользко, тяжело, как бы покрыта льдом
Неровная тропа с ее травою чахлой.

Теперь белеют мне калмыцким ковылем
Верблюды — дни мои, слагаясь в караваны.
Вот этот белизной поспорит с кораблем,
С тем — яблоневый сад, живой, благоуханный.

Вся степь — куда ни глянь — у мира на виду,
И скачет по степи мой конь широкогрудый.
Мне хорошо в седле: я летопись веду
Неповторимых дней — и движутся верблюды.

Перевел с калмыцкого
С. ЛИПКИН.

Рисунки **Л. ХАЙЛОВА.**

ЗЕРКАЛОВА

Вл. ПИМЕНОВ

Удивительная актриса Дарья Васильевна Зеркалова. Немного таких актрис не только на нашей сцене, но и в мировом современном театре. В ней поражает редкое сочетание бурного и сильного драматизма с подлинно комедийным изяществом и одушевленностью. Она и драму и комедию играет не вообще, но как лицо на редкость заинтересованное, как живой участник событий, как современница. Ее искусство пристрастно и прекрасно. Пристрастно потому, что она всегда лично заинтересована происходящим. Прекрасно потому, что личный интерес актрисы не нарушает гармонии художественного произведения.

В голосе Зеркаловой, голосе неповторимом, всегда звучит нервная, согретая душевным жаром нота страдания, грусти, печали, затаенной тревоги... Почему?.. Почему даже в ролях ослепительно веселых голос актрисы не покидает тревога — та самая, по которой мы всегда безошибочно узнаем: выступает Зеркалова. Потому, что актрисе жаль своих героинь, вовлеченных в водоворот драматических событий, жаль даже тогда, когда она их обвиняет...

Женщины Зеркаловой очень любят жизнь. Быть может, из-за этой жажды жизни они подчас и совершают свои озорные, нелепые поступки. Артистка оправдывает их логикой поведения так, что мы невольно прощаем ее героиням и взбалмошные характеры, и кокетство, и хитроумные уловки...

Таково исполнение Зеркаловой роли Евгении Гранде в одноименном спектакле Малого театра, вошедшее в золотой фонд советского театра. Актриса сумела передать невероятную, приводящую к трагизму жажду бытия. Но как это возможно? Мрачная, холодная стяжательница Евгения Гранде — и радость жизни? Понятия противоположные. Но именно здесь-то и проявлялся во всей силе талант Зеркаловой! Ее Евгения потому становилась стяжательницей, что потушили в ней живой огонь радости, стремление выбраться из-под власти денег. Ей не позволили этого: мир наживы не любит «изменников», воздух подвалов, набитых золотом, не терпит свежего ветра. И Евгения мстит... Мстит так, как здесь привыкли: из живой она становится мертвой. Это страшная месть! И сам человек ощущает ее прежде, чем окружающие: душа его разрушается и гибнет.

Всем, кто видел спектакль, навсегда запомнился финал... Зеркалова — Гранде теряла последние иллюзии. Любовь оказывалась предательством. Даже здесь решали деньги. Денежные интересы стояли за любовными признаниями. И все было кончено. Прямая, холодная, одеревенелым голосом произносила Евгения — Зеркалова знаменитую фразу, венчающую трагическую эволюцию характера: «Все будет, как при отце...»

Может быть, иные надо было искать пути. Но Евгения Зеркаловой не знала их. Пути эти знала другая героиня, которую сыграла актриса на сцене Центрального театра Советской Армии,—революционерка Оксана из «Гибели эскадры» Корнейчука.

Характер Оксаны в советской драматургии был новаторским. Здесь конкретные, реальные черты образов революционеров сливались с большим художественным обобщением. Героическая интонация была ведущей в этой судьбе. Автор не пытался приземлить характер Оксаны: ему важно было передать звонкое, романтическое начало, олицетворением которого и становилась Оксана. Но Зеркалова не могла играть, не вглядевшись в душу человека. Оксана Зеркаловой одновременно и муза революции и простая, милая женщина, умеющая любить и страдать...

Для актрисы важен конфликт между долгом и чувством. Ее героиня любит человека, который не все и не всегда понимает в движении истории. Оксане — Зеркаловой надо было осудить его, чтобы вернуть партии, но она глубоко любит... И Оксана не дрогнула, но стойкость ее актриса раскрывает как трудную внутреннюю борьбу. Героями не рождаются. Их путь — это путь духовного роста, самовоспитания...

Роль в советской пьесе всегда была для Зеркаловой самым важным делом ее творческой биографии. Не раз критики писали о таких превосходных созданиях актрисы, как Анка в «Поэме о топоре» Погодина, как Гога в пьесе Файко «Человек с портфелем»... В Анке, молодой работнице, трогательно помогающей своему возлюбленному сделать производственные усовершенствования, актриса видела как бы символ победившего мира. Ее Анка была веселой и искренней, озабоченной и шумной, она появлялась всюду, словно живой огонек, освещающий людям дорогу...

Мальчик Гога хотя и эпизодическая, но очень важная роль в пьесе «Человек с портфелем», и не случайно эту роль всегда играли лучшие актрисы нашей сцены. Эпизод, где отец Гоги, думая, что мальчик не понимает его, раскрывает перед ним низкие тайны своей подлой души, для Зеркаловой, игравшей Гогу, был активным, действенным, хотя мальчик в основном слушал «исповедь» отца... Актриса так показывала подростка, что становилось ясно: он будет жить по-другому, в его детской душе уже зреет протест против двоедушия и приспособленчества.

В послужном списке Зеркаловой роли столь разные, столь многочисленные, что не верится: за ними она одна, их сыгравшая... Это как бы целое население!.. Что же роднит ее героев? Мы уже говорили об этом: роднит жажда жизни, у одних разумной и чистой, у других материальной и бездуховной, но все же жизни... Эта жажда и поднимает их над сытым и равнодушным буржуазным обществом.

Среди лучших ролей Зеркаловой Глафира из пьесы А. Островского «Волки и овцы». Какая это была Глафира!.. Чертенок в юбке, олицетворенное озорство... И не только интриганка. У Зеркаловой все это так плюс раздумье о трудной женской судьбе. Тут и жалость к Глафире и понимание ее, умение разделить тягу к жизни, как бы ни были бедны и пусты идеалы Глафиры. Для Зеркаловой даже такая Глафира была интересной, она ей нравится уже за одно стремление к переменам в старорежимной, неподвижной жизни...

Зеркалова любит Островского. В «Последней жертве» она сыграла роль Юлии Павловны Тугиной, богатой замоскворецкой вдовы, обманутой в любви. Эта роль считается очень русской. Еще бы, замоскворецкая купчиха! Но актриса, не снимая специфики национального характера, расширяла эту роль, включая в нее нечто общечеловеческое: так страдают от несчастной любви не только в России, так страдают повсюду...

Русская купчиха Тугина и Евгения Гранде Бальзака становились в чем-то похожими у Зеркаловой. Это были словно сестры, разделенные расстоянием, средой, нравами, странами, но соединенные несчастьем, смятые хищнической моралью собственников, раздавленные неумолимым натиском мира наживы...

Особая тема — Зеркалова и театр Горького. Они непременно должны были встретиться — писатель, постигающий душу класса, и актриса, стремящаяся поддержать психологию социологией. И они встретились.

У каждого актера среди десятков любимых ролей бывает одна особенно задушевная, в чем-то биографическая, так сказать, исповедническая. Для Зеркаловой такой ролью стала Елена в «Мещанах» Горького. К этому образу актриса обращалась неоднократно. В Елене, живущей в доме мещан, но сохраняющей ясность и здоровье души, Зеркалова видела особое противостояние несчастью. Она отдыхала в этой роли от страданий и обид, вынесенных другими ее героинями. Немирович-Данченко, посмотревший спектакль «Мещане», сразу же выделил исполнение Зеркаловой, сказав, что давно уже не получал такого наслаждения, такой бодрой духовной зарядки. На фотографии, преподнесенной актрисе, он написал: «Дарящей радость». Эти слова очень точно определяли весь настрой творчества Зеркаловой — актрисы, дарящей радость во всех своих ролях.

В горьковском репертуаре Зеркаловой и Наталья из «Вассы Железновой». Целая биография была рассказана актрисой в этой не главной роли. Зритель понимал, какие силы погибли в кипучей натуре дочери Вассы Железновой; понимал, как теперь опустошена, раздавлена эта душа... Наталья Зеркаловой несла в себе и настоящее и прошедшее героини. Прошедшее — это горячая мечта жить лучше, чем жила в родном доме. Настоящее — гибель мечты, злая тоска, разбитые иллюзии...

Театральная Москва до сих пор помнит Элизу Дулитл из «Пигмалиона» Шоу. Это был вообще интересный спектакль Малого театра. Сейчас, когда пьеса Шоу стала и фильмом, и балетом, и мюзиклом, когда мы видим ее в десятках зарубежных гастролей, когда роль Элизы сыграна многими великолепными актрисами, к этой ослепительной комедийной роли уже несколько привыкли. Но когда ее играла Зеркалова в суровые военные годы — это было чудо! Чудом была жизнь, бьющая ключом вокруг маленькой продавщицы цветов. Чудом был и самый этот характер — растущий, движущийся, соединяющий высокую комедию с высоким лиризмом. И чудом — главным чудом — была Зеркалова, показавшая в этой роли такую душу героини и такое мастерство актрисы, что советский театр вместе с этим исполнением весь подымался на новую свою ступень...

Сравнительно недавно Зеркалова сыграла на сцене Малого театра роль матери в пьесе И. Касумова «Человек бросает якорь». Актриса не только не потеряла национальных черт характера азербайджанской матери, но сделала больше: создала образ собирательный. Сердца всех матерей переселились в эту хрупкую и сильную женщину.

Огромное у нас актерское богатство! Изумительные индивидуальности в каждом театре... А традиции!.. Ореолом овеяно имя Комиссаржевской. Блестящими буквами вписано в историю русской сцены имя комедийной актрисы Малого театра Лешковской... Когда думаешь о Дарье Васильевне, вспоминаются эти имена.

Оксана. «Гибель эскадры».

Элиза Дулитл. «Пигмалион».

Елена. «Мещане».

Евгения Гранде.

Глафира. «Волки и овцы».

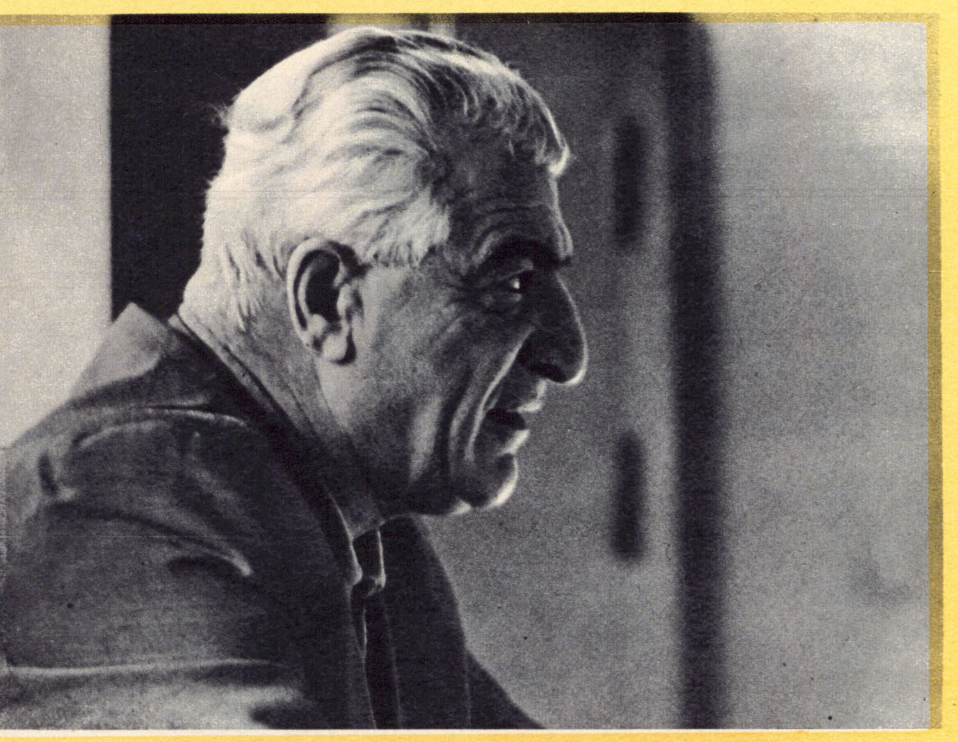

▶ Фрекен Элла Рентхейм. «Господин Боркман» Ибсена.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» РАССКАЗЫВАЮТ О ВОПЛОЩЕНИИ В ЖИЗНЬ ДИРЕКТИВ XXIII СЪЕЗДА КПСС ПО ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР.

«УЗБЕКСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА... создать золотодобывающую промышленность»,— так сказано в Директивах съезда.

Директор горного комбината З. П. Зарапетян.

Основной корпус золотоизвлекательного завода.

ЧЕТЫРЕ

К. БАРЫКИН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Около двух с половиной тысячелетий назад Геродот на страницах своей «Истории в девяти книгах» утверждал, что жившие на территории Кызылкумов массагетские племена «железа и серебра... вовсе не употребляют, потому что этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь в изобилии».

Петр I, прослышав о «песошном золоте» Бухарии, послал туда отряд во главе с князем Черкасским. Титулованный командированный не вернулся — погиб. Но кое-какие записки казаки все же доставили государю. Однако среднеазиатское золото с той поры как в воду кануло. И нет ее в пустыне, воды-то, а вот кануло. Остались легенды и манящие названия: Зарафшан — «Несущая золото», Алтынтау — «Золотая гора», Алтын топкан — «Золото нашли». Названия были, золото не находилось!

И вот теперь, всего несколько лет назад Мурунтау — «Нос гора» (и золотого-то ничего в названии нет), хоть и не без сопротивления, открыла геологам несметные богатства. Они опрокинули все самые оптимистические прогнозы. Судьбе было угодно, чтобы это месторождение объявилось как раз в пору, когда «Нью-Йорк геральд трибюн» кликушески пророчествовала: «...все соглашаются с тем, что запас и добыча золота в Советском Союзе сокращаются и, видимо, будут сокращаться в ближайшие годы».

Что, Мурунтау — улыбка фортуны? Конечно, нет. Это закономерный итог многолетнего труда сотен людей, это талант геологов, увенчанных знаками лауреатов Ленинской премии. Нелегок был путь от легенд и догадок до завода, который стоит ныне в географическом центре пустыни Кызылкум.

Пять лет назад я бывал в этих местах — они уже полнились слухами об исключительном открытии; потом его назовут «находкой века». Один зарубежный журналист позже писал, что кызылкумское золото «способно опрокинуть биржевые курсы». Тогда главный геолог кызылкумской экспедиции Георгий Васильевич Касавченко повез меня в пески, километров за двадцать от небольшого поселка: «Здесь через три-четыре года построят завод».

«Фантазирует,— подумал я,— пустыня все-таки!»

А вот сейчас, как о чем-то само собой разумеющемся, директор золотоизвлекательного завода Евгений Дмитриевич Лебедев спрашивает кого-то: «Слитки к отправке готовы? Оставьте — покажем журналистам». И ему отвечают: «Новые приготовим; заодно посмотрят, как золото льют...»

Когда б имел златые горы...

Мы стоим на краю карьера. Огромные ковши экскаваторов зачерпывают золотоносную руду и многотонными пригоршнями ссыпают ее в кузова автомобилей. Машины чуть приседают под тяжестью руды. А экскаваторы все черпают и черпают золотоносные окварцованные сланцы. На развилке дорог у въезда в карьер стоит на постаменте кусок такого же кварца — две с половиной тонны весом — и монумент и символ.

Спускаемся в карьер, проезжаем отметку «горизонт-540», едем дальше. За рулем «газика» начальник карьера Вадим Александрович Бурьян — молодой горный инженер, приехавший сюда из Кривого Рога: там учился, проходил практику. Бурьян — потомственный горняк, сын и внук рудокопов.

— Знаете, что интересно: сначала было трудней, хоть объем работ был меньше. И все запомнилось, каждый день, каждый штрих. А сейчас такой размах — не карьер, а карьерище, и все вроде бы обыденно. Привыкли, что ли?

Рассказывают, что тогда, еще в самом начале, провели тут шуточную анкету: «Что бы ты сделал, когда б имел златые горы?» Многие «бурьяновцы», не сговариваясь, ответили: «Превратил бы эти горы в золото».

Сейчас такой ответ напрашивается сам собой, но в первые месяцы горы были, а золота не было: пустыня не хотела мириться с тем, что в ее владения вторглись люди.

Виктор Григорьевич Гарьковец, первый заместитель министра геологии Узбекистана, сказал мне: «Если бы строительство не взял на себя этот коллектив, оно продолжалось бы дольше». Но золоту повезло — оно попало в надежные руки людей, решивших преобразовать пустыню.

Зима 1968 года была особенно суровой. Пустыня словно еще раз захотела проверить упорство людей. Морозы перемежались короткими злыми метелями, звенела прокаленная стужей земля. Взовьется, понесет свои иглы промороженный песок — нет от него спасения. Поговаривали: такая зима бывает раз в сто лет. В этом веке она выбрала именно тот год, когда надо было доводить завод, готовить его к пуску. В дом, что неподалеку от предприятия, переехали из Навои, оставив там семьи и налаженный быт, директор горного комбината Зараб Петросович Зарапетян, его ближайшие помощники. Дня, кажется, не проходило, чтобы не приезжали первый секретарь Навоинского горкома партии Виталий Николаевич Сигедин и бывший в ту пору секретарем парткома Аброл Кахарович Кахаров. Зарапетян и его коллеги не давали покоя ни себе, ни людям, что строили вместе с ними завод и карьер. Поздними вечерами собирались, проверяли: что и как сделано, четко, до мелочей выверяли завтрашний день. С утра все снова были на строительной площадке... Долго не поддавалась пустыня. А однажды закатила такую истерику, о которой по сей день вспоминают: «Вот это был снег!»

Между тем заводские корпуса упорно тянулись вверх, соперничая ростом уже с самой Мурун-горой. Подтягивалась линия электропередачи, подводилась далекая аму-дарьинская вода. «Не может быть золота без воды»,— заметил словно между прочим Зарапетян. Водовод этот — одна из славных страниц в истории строительства: больше двухсот километров по барханам, одолевая разные каверзы, на которые так щедра пустыня. Сколько их было, этих преград на пути воды, которые пришлось преодолеть коллективам монтажников во главе с Р. О. Ханянцом и П. П. Патриным. Но не припомнишь случая, чтобы работа вдруг приостановилась из-за нечеткости или неполадок, по вине строителей. А бывало всякое. Одной из построек помешала стоявшая тут, на бывших караванных тропах, гора.

— Так мы ее перенесли,— рассказывает один из старожилов.

— Как перенесли?

— Очень просто! Взорвали и отвезли на ту сторону железной дороги. Восстановили в прежнем виде: зачем же пустыню обижать?

Карьер начинался с нескольких кубометров пустой породы, а сейчас мы едем по золотоносной руде уже минут пятнадцать, и все ей нет конца-края. В дальней выработке — экскаватор.

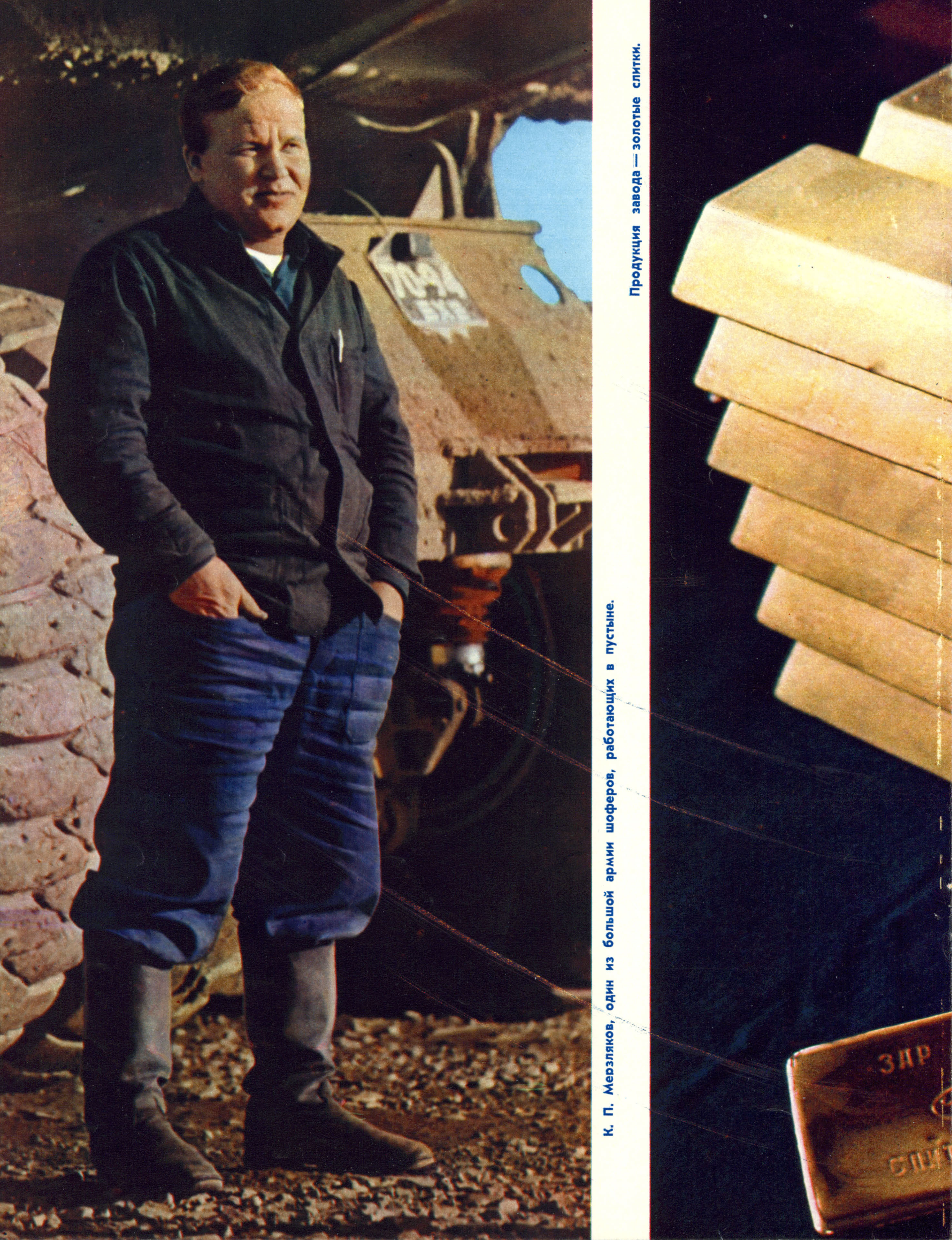
Подъезжаем, знакомимся с ма-

Карьер. Отсюда и черпают золото.

УзССР
ЗАРАФШАН

ЗОЛОТО-ИЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД
ЗАЛОЖЕН 14 МАЯ 1967
ОКОНЧЕН 1 ИЮЛЯ 1969
ГОРНЫЙ КОМБИНАТ

ДЕВЯТКИ

К. П. Мерзляков, один из большой армии шоферов, работающих в пустыне.

Продукция завода — золотые слитки.

99.99
ЗА-1П
ВЕС 12399
ЗАВЕРШИВШИЙ ГОДОВОЙ ПЛАН
5.10.70

Золото на титановых пластинах...

Сотни самосвалов возят руду.

шинистом. Это Виктор Григорьевич Елагин. Сегодня он в утренней смене. Елагин в рабочем комбинезоне и, конечно, в шляпе. Вначале это удивляло: почему почти все экскаваторщики носят шляпы? Потом я узнал, что мода пошла от Биджелова, мастера первой руки. У бывшего норильчанина Журапа Биджелова на личном счету что-то около 2 миллионов 700 тысяч кубов вынутой горной массы. Это я в блокноте так записал — «около 2 700 тысяч кубометров». А вообще-то здесь категории «что-то» и «около» не проходят — считают точно. Не только потому, что по этим кубам идет начисление зарплаты (заработок—до 500 рублей), а еще и оттого, что все экипажи экскаваторов соревнуются между собой. Если, положим, о Биджелове сказать вот так неточно, то не определишь, кто впереди — он или кавалер ордена Ленина Михаил Сергеевич Сердаков. Оба они начинали с колышка и оба по сей день работают отменно — разрыв в несколько десятков кубов.

— Здорово работают,— подтверждает Вадим Александрович Бурьян.— Но и другие тоже неплохо справляются. Что бы сделали одни самые лучшие, не будь того же Елагина, Кутлахметова, Шеманухина, Шенбергера — словом, всего нашего коллектива?

У экскаваторщиков своя сигнализация, свой код, своя манера обращаться с подъезжающими «Белазами». Короткий гудок — давай вперед... Разносятся по дну карьера отрывистые гудки экскаваторов: пошевеливайся! В стороне — домик на полозьях. На столе — телефоны, селектор громкой связи.

— Слушай, первая, почему две машины простаивают?

Два автомобиля — почти 60 тонн руды. А в ней золото. Залеживаться ему грех. Диспетчерская забралась в поднебесье, отсюда весь карьер просматривается. Но отсыпают еще более высокую гору — на ее выровненной макушке и разместят диспетчеров. Сфера их деятельности расширяется — растет карьер. А скоро и подземный рудник появится. Место для проходки ствола уже выбрано. «Создадим его быстро...» К темпам, которые тут стали нормой, привыкаешь. Несомненно, что через год-полтора на месте, где сейчас стоит лишь памятный знак «Здесь будут заложены стволы шахты «Родина», зашумит своим деловым ритмом крупнейший рудник. Первая его очередь рассечет подземную золотую глыбу на глубине около 500 метров, затем выработки пойдут вширь, вниз, вверх. Под землей нашли мощное рудное тело — хватит на много лет интенсивных разработок. Это золотое «вкрапление» лежит в гигантском разломе, прикрытом сверху пустой породой. Подсчитали: руду выгоднее добывать подземным способом. Сейчас этот глубинный сюрприз доразведывают и не устают дивиться: откуда такое богатство?! «Пытаемся определить, где в Кызылкумах нет золота»,— пошутил один из навоинцев.

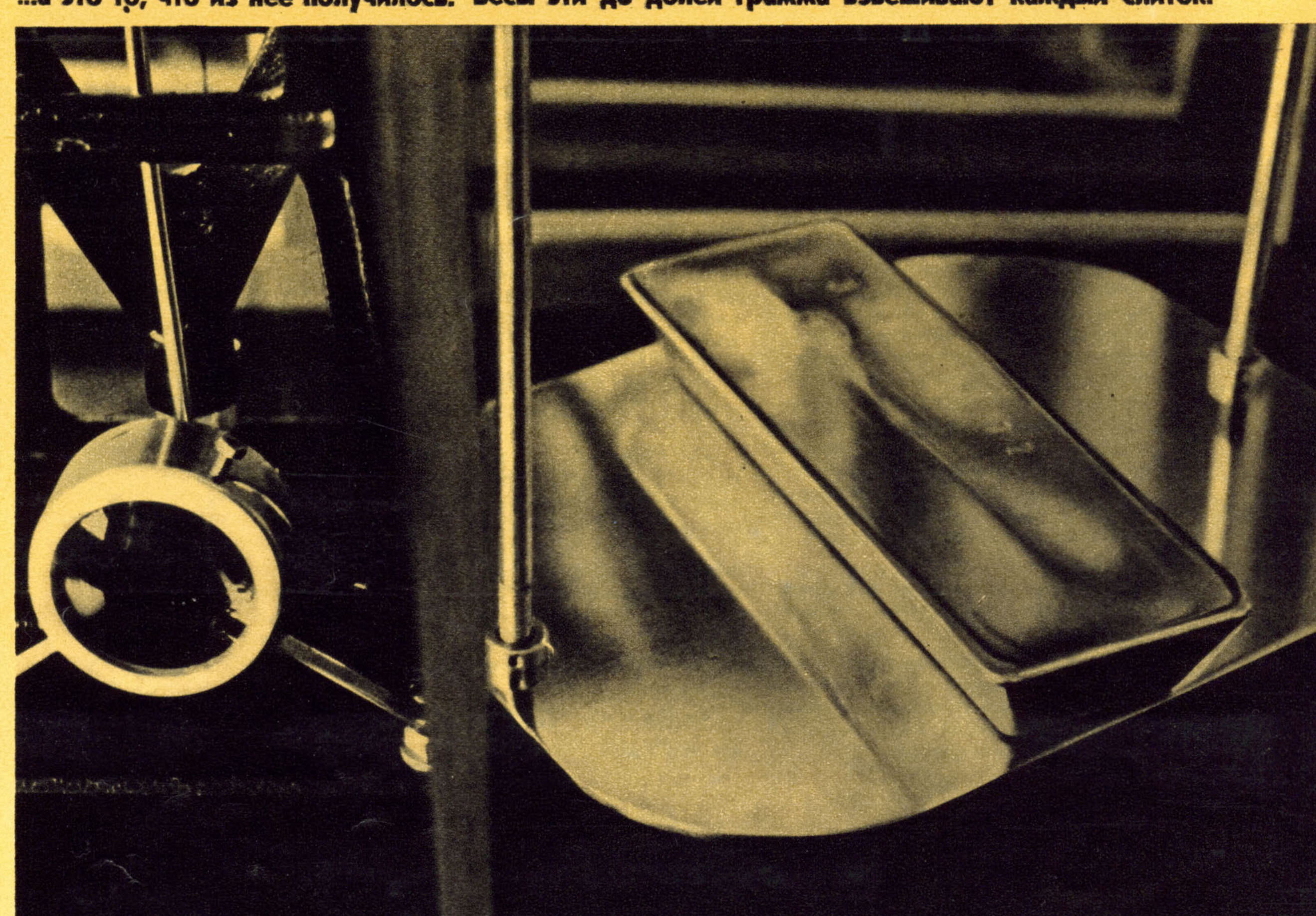
...Идут груженные доверху автомашины. Местный ОРУД ввел правило — «Белазам» преимущественное право проезда. Автомобиль — король пустыни! Дорога наезженная — до завода, к его мельницам.

Зарафшанский стандарт

Выстроились в ряд мельницы, заняли весь пролет главного кор-

Кварц и сланцы — золотая руда...

...а это то, что из нее получилось. Весы эти до долей грамма взвешивают каждый слиток.

пуса. Стальные чрева их привычно глотают куски руды и тщательно перемалывают ее. Мельницы уникальны, как и сам завод, которому, поговаривают, нет равного в стране, а может, и во всем мире. Когда привезли агрегаты, работы шли точно по графику. Но затем он сдвинулся — за пятнадцать дней пустили три мельницы. В то время, как на черновой монтаж лишь одной должно было уйти едва ли не столько же времени.

Но пустить мельницу — полдела. Закапризничали гиганты. Тут-то и сказалась инженерная изобретательность навоинских специалистов и их молодых коллег на заводе. В бесшаровые по заводской конструкции барабаны загрузили шары, внесли еще кое-какие изменения, и с тех пор агрегаты работают надежно. Сейчас их металлические челюсти разжевывают очередную порцию руды и превращают ее в золотоносную пульпу. Густая, настоянная на золоте, чуть вязкая, пульпа течет в пачуки: они похожи на трубы, поставленные на торец. Здесь за золотом охотятся ионообменные смолы. Не стану вдаваться в технологию, но, кажется, именно в пачуках ее изюминка. Технология, впервые примененная в золотодобывающей промышленности, и делает мурунтауское золото самым дешевым в стране. Ценность его, конечно, не пострадала — золото отменного качества.

— Обратите внимание,— директор завода Е. Д. Лебедев подходит к диаграмме,— себестоимость золота все время снижается. И будет снижаться. А то ведь был у нас такой случай. Убежало золото — только что шло по схеме, прослеживалось — и вдруг нет золота! Туда, сюда, а оно лежит на дне.

В отделении готовой продукции, как и вообще на заводе, работают в основном люди молодые. Светлое, выложенное кафелем помещение, электролизные ванны — тут впервые на свет божий появляется само золото.

Григорий Александрович Ким, начальник отделения, тоже молодой человек.

— А ветераны-то есть?

Директор завода улыбается:

— Да все они ветераны! И Ким ветеран, с первого дня тут.

А уж самый что ни на есть ветеран — Виктор Васильевич Аржанцев. Первый слиток отливал. С министром сфотографирован по такому случаю. В приказы попал, в премиальные списки...

Золотой ореол пришелся Аржанцеву по нраву. Гордится он им. Может, это и неплохо, раз не мешает плавильщикам золота поддерживать на высоком уровне марку своего изделия и кондиции, придающие всему, что здесь делается, особую отточенность, артистическую завершенность. Тут ревниво и с интересом относятся ко всему, что имеет касательство к их профессии. Где-то разыскали и бережно хранят рисунок и описание того, как лили золото у Креза.

— Крезу, понятно, до нас далеко, но все же, знаете, любопытно...

Очень много слитков прошло через руки каждого золотовара, прежде чем их упаковали в зеленое сукно, сложили в чемоданы и отвезли в казначейство.

Ну, я, пожалуй, забежал вперед... Давайте-ка вернемся к электролизным ваннам. К их титановым катодам и анодам из грязного золота. Грязное оно потому, что в нем около полупроцента примесей. От них тут быстро избавляются: как только на титановой пластине нарастает золотая рубашка миллиметра в три толщиной, ее поддевают самым обыкновенным ножом — и золотой лист тотчас отделяется от титана. Золото сворачивают в рулон и везут на переплавку. Там рулон опускают в донельзя раскаленные печи и потом разливают бурлящее жидкое золото по изложницам. Это уже чистейший, валютный металл! Ослепительно яркие, и смотреть-то на них без защитных очков больно, золотые волны ударяются о чугунные берега и тут же затихают. Сверху слиток приглаживается вырывающейся из форсунок струей огня. Еще минута, другая — и слиток передан на стол технического контроля. За ним второй, третий... Из этой же партии металла отливается арбитражная контрольная проба: три столбика на подставке. Столбики отпилят, пошлют по лабораториям, а подставку — паспорт оставят тут, в плавильной.

Мастер-технолог Николай Андреевич Захаров кладет слиток на аналитические весы. Привычно ставит две гири — в 10 и 2 килограмма. А затем начинает манипулировать разновесками. Потом на готовом слитке чеканят четыре девятки — 99,99. Это индекс чистоты. Если подойти житейски, чистота кристальная. Ни одно прославленное червонное золото не знало и не знает такой чистоты. Говорят, что зарафшанское золото становится все чище и близок день, когда можно будет ставить на слитке уже пять девяток — 99,999. Такую чистоту изделий знают разве что заводы полупроводников.

Некоторые слитки хранятся на заводе. Видели мы один из них, юбилейный. На нем вычеканено: «Слиток, завершивший годовой план. 12399 гр. 5.10.1970».

Все, что есть сейчас в этом золотом заповеднике планеты, сделано за последние годы. Рубежи просматриваются четко: Двадцать третий съезд КПСС наметил, к Двадцать четвертому есть перевыполнение плана!

Когда пишутся эти строки, завод уже достиг проектной мощности, хотя сделать это даже по повышенным обязательствам намечали только к открытию XXIV съезда партии!

В наступившей же пятилетке завод увеличит выпуск драгоценного металла. Сделано это будет по-зарафшански: резко возрастет мощность, а производственные площади увеличатся менее чем на треть.

...Еще М. В. Ломоносов сказал: «Первый высокий металл есть золото...»

Этот первый, нужный стране, подлинно высокий металл и добывают зарафшанские горняки. Почти в двухстах пятидесяти километрах от города Навои, в центре Кызылкумов, работает рукотворный золотой вулкан.

Завод и золото — это рапорт партийному съезду.

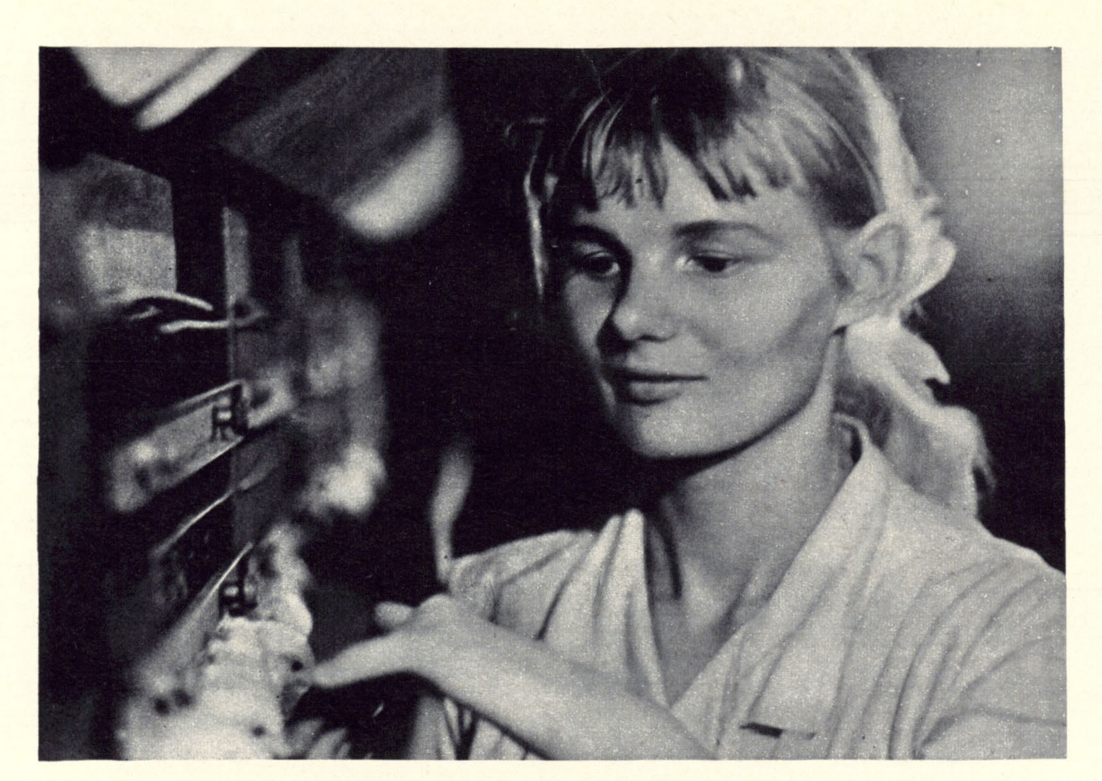
— НАМЕЧЕНО — СДЕЛАНО!

ЗАДАНИЕ ПАРТИИ ВЫПОЛНЕНО!

Н Е П

Комсомолка Айме Ойтмаа — кормилица самых юных, самых пушистых...

Н. ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ.

И никто-то нас не предупредил, и не приглашал никто, а просто раз в кои веки нам здорово повезло. Потому что, куда бы журналист ни приехал, обычно говорят: «Где же вы вчера-то были, вот вчера у нас...» Или обещают через месяц сенсацию. А тут все наоборот. Оскар Леесмент со свойственным эстонцам спокойствием произнес: «А у нас вот именно сегодня одна курица золотое яйцо снесла...»

Вот так-то. Но читатель — стреляный воробей, он россказням не верит, поэтому происхождение золотого яйца надо объяснить с самого начала.

Место это называется Саха-Лоо, тридцать лет назад был здесь хутор, и у его владельца — триста кур. Для буржуазной Эстонии, которая пыжилась подражать великим капиталистическим державам, это было ого какое крупное хозяйство! Но в нашем репортаже речь о другом: просто иногда история предлагает нам для сравнения небезынтересные параллели. Давайте этим воспользуемся и запомним количество кур — триста.

Потом здесь тоже занимались сельским хозяйством, а три пятилетки назад, в 1956 году, «пришили к пуговице пальто»: к дому бывшего хозяина, где теперь медпункт, пристроили 99,99 процента разных новых строений. Получился своеобразный городок с таким составом населения: 360 тысяч леггорнов и 1 тысяча людей, половина из которых прекрасные специалисты и мастера различных отраслей птицеводства. Все вместе это называется Таллинская птицефабрика.

Вообще-то, наверное, мы бы давно уже перестали сравнивать металлургию дореволюционной России с теперешней и сельское хозяйство буржуазной Эстонии с нынешним. Но только разные дезертиры за морями и океанами никак не могут простить своей стране своего эмигрантства и все продолжают что-то сравнивать.

Сравнивать так сравнивать! Не откажем и мы себе в удовольствии и сопоставим эти две цифры: 300 кур тогдашнего крупного хозяйства и 360 тысяч породистых леггорнов теперешнего крупного хозяйства. И на этом экскурс в прошлое закончим. Что же касается настоящего, то, по сведениям разных специальных птицеводческих журналов (а их в распоряжении нашего собеседника, главного ветеринарного врача Таллинской птицефабрики Оскара Леесмента, целых двенадцать, из разных стран мира), примерно такие же крупные фабрики находятся в Лондоне, в Минске, под Ленинградом и еще более крупные под Москвой. И больше пока не слышно, чтобы где-либо в Европе были еще такие же крупные птицеводческие хозяйства.

Динамика двух здешних пятилеток легко прослеживается в цифрах: **в 1960 году было получено 12 миллионов яиц, а в 1969-м — 47 миллионов. И именно в 1969 году был выполнен план восьмой пятилетки**, поэтому пока мы и остановимся на этой хорошей цифре — 47 миллионов яиц в год. И пригласим читателя... Да, а куда же нам его пригласить? Раз фабрика, то надо бы сказать — в цеха. Но это вовсе не цеха. В курятники? Но это же совсем не курятники! Выручает Оскар Леесмент, он говорит:

— Пройдемте в залы.

По дороге узнаем от Леесмента, что по типовому проекту все службы птицефабрики: инкубаторий, «детский сад», то есть помещение для цыплят, куры-несушки, сортировка, склад — словом, все размещалось в одном большом здании.

— А знаете, какая циркуляция пыли в помещении, где находится большой коллектив? — рассказывал Леесмент.— А в пыли — микробы! Дети заражаются от взрослых, взрослые от детей, с улицы заносится бог знает что... Какая уж тут гигиена, какая санитария! Болела и наша пернатая детвора, болела и умирала, и успехи наши были не бог весть какие.

Конечно,— продолжает Леесмент,— я никоим образом не хочу обвинять проектировщиков. Устраивая все компактно, под одной крышей, они помышляли лишь о нашем удобстве, чтобы не было беготни из одного здания в другое. Специалисты-птицеводы тогда своего слова сказать не могли по той простой причине, что у нас и специалистов-то не было. Птицеферм, разумеется, и тогда много было, но одно дело—птицеферма в колхозе или совхозе, а другое — птицефабрика. На колхозной птицеферме и зоотехник общего про-

РОСТОЕ...

День первый, семь часов от роду.

филя — кум королю... Я много лет работал ветврачом Харьюского района, думал, что все о курах мне известно. Однако настоящие знания по птицеводству я приобрел именно здесь и даже сделал для себя немало открытий. Тут мы учились, ошибались, исправляли ошибки, создавали новый тип хозяйства, а человек, который в чем-либо подобном участвовал, знает, как этим заполняется вся жизнь... Одним из наших общих открытий, имевших большое значение в грамотной, научной постановке хозяйства, было разделение птицеводческих служб. Теперь они находятся у нас в изолированных зданиях, и состояние санитарии, а следовательно, здоровье наших леггорнов прямо-таки неузнаваемо изменилось к лучшему.

Так вот разговаривая, мы приближаемся к наседке двадцатого века — инкубаторию. Леесмент вдруг становится настороженным и говорит:

— У нас даже персонал, обслуживающий инкубаторий, находится на известном режиме, а попросту говоря, ему в другие отделения заходить запрещается. Не пойдемка и мы в инкубаторий, а?

Леесмент аж надвое разрывался: с одной стороны, ему никак нельзя было пускать нас с улицы в этот абсолютно стерильный механический цыплячий родильный дом, а с другой стороны, ему никак не хотелось быть негостеприимным. И мы от вторжения в инкубаторий великодушно отказались.

— Ну и правильно, ничего там такого нет, биология как биология,— деланно-равнодушно сказал Леесмент. Но тут же воскликнул:— Непостижимая тайна жизни! Вы только подумайте, как долго природа не пускает нас в эту святая святых! Двадцать с половиной дней наседка высиживает цыплят, и ровно столько же дней тратят на высиживание инкубаторы «Универсал-45». Только из-под них по 45 тысяч цыплят зараз выходит... Пойдемте-ка лучше в «детский сад».

«Детский сад» удален от инкубатория на почтительное расстояние. Когда инкубаторы выдают свою живую продукцию, птичницы осторожно укладывают пушистые комочки в картонные коробки и в теплых закрытых машинах перевозят новорожденных в «детский сад». А что для «детей» главное? Внимательный уход, хорошее питание, чистота и свежий воздух. Здесь восемь огромных залов с высокими длинными проволочными клетками. За сетками — возня и писк. Женщина в белом халате, на кармане которого зелеными нитками вышито «Настя», порхает по рядам, раскладывает в лотки корм.

— Знакомьтесь: Анастасия Николаева,— представляет Леесмент и продолжает свой рассказ: — Существует Всемирная ассоциация птицеводства, кстати, наш директор Александер Линд — член этой организации. Так вот, по их статистике выходит, что если где-нибудь на птицефабрике сохранность молодняка достигает 95 процентов, то это уже очень хорошо. А у Николаевой, знаете, какая сохранность? 99 процентов!

— Сколько же тут у вас подопечных? — спрашиваем у Анастасии.

— Пятнадцать тысяч. Много? Конечно, только я все прекрасно успеваю, даже корм стараюсь вручную раздать, потому что от механической раскладки облака пыли поднимаются, а для цыплят это нехорошо. Ну, пол подметаю, лотки для корма и воды протираю. А все остальное делается механически...

Оскар Леесмент рассказывает нам еще об одной ошибке и о том, как ее исправили. Раньше вентиляция во всех залах была устроена так, что пыль с пола вытягивалась вверх, а это значит, мимо куриных и цыплячьих носов и легких. Болели, конечно. Потом птицеводы додумались и перевернули вентиляцию — погнали чистый воздух сверху вниз. И стала пыль уползать в жалюзи, что у самого пола. И здоровье пернатых от этого заметно улучшилось.

Но главное, конечно, корма. Известно, что лучше комбикормов для животных пока еще ничего не придумано. А вот здешние цыплята, получая полноценные комбикорма, некоторое время назад были какими-то взъерошенными и нахохленными. Значит, не хватало им чего-то. Витаминов, что ли? Прибавили. Не помогло. А тем временем лаборантки установили: в цыплячьих организмах не хватает аминокислот. Добавили к комбикормам рыбную муку, и «детский сад» словно бы переоделся из помятых приютских одеяний в разглаженные атласные наряды — так пригладились и заблестели перышки.

Теперь вот взять, например, корову. Она, налакомившись комбикормами, очень даже не прочь еще погулять по пастбищу или найти в яслях хорошую порцию свежей зелени. А курицу, между прочим, бог ведь сначала создал лесной птицей и приспособил траву поклевывать. Здесь же, в проволочных клетках, откуда быть траве? Подумали-подумали таллинские птицеводы и прибавили к комбикормам еще и травяную муку. Тоже пошло на здоровье — как цыплятам, так и несушкам.

Ну вот, и до несушек мы добрались. Живут они в таких же огромных залах, где, невзирая на время года, день всегда продолжается от семи часов утра до девяти вечера: спокойными неяркими солнцами светят электрические фонари. После девяти наступает темная тихая ночь. Здесь такой же, как и в «детском саду», чистый воздух, тут так же строги правила гигиены. Что же касается кормов, то у несушек свои потребности. Их ублажают растительными маслами, добавочными порциями кальция, чтобы яичная скорлупа была потверже, да еще молотые ракушки подбрасывают.

Конечно, излишков жилплощади здесь нет — тесновато живут пернатые красотки. Но процветают! Настолько процветают, что несутся «без каникул» и дают в год в среднем по 265 яиц.

265 яиц... Скептиков вокруг нас предостаточно, иные из них любят писать в редакцию письма такого содержания: «...ваш корреспондент фантазирует, и вы его непременно накажите за это, потому что 265 яиц никак не может быть, ведь даже в таком передовом сельскохозяйственном штате, как Айова, получают от несушки по 220 яиц в год...»

Пусть в Айове получают по 220. А тут по 265, и никакой ошибки и опечатки нет. Получают так много потому, что умеют исправлять ошибки, доделывать недоделки, применять на практике науку разных стран и хозяйственных систем.

Но одно обстоятельство все же нас смущало, и мы задали Оскару Леесменту такой, на наш взгляд, каверзный вопрос:

Не простое, юбилейное...

— А что, курица, по-вашему, уж совсем не птица, разве она совсем в свободе не нуждается, так что в клетках несется даже лучше, чем на воле?

Леесмент улыбнулся и ответил нам словами из отчета английского профессора Бромбеля, который в курином деле собаку съел и, вероятно, при этом хлебнул немало горя. Дело в том, что в Англии существует множество всяких клубов и обществ по охране животных. Одно такое общество взбунтовалось против якобы негуманного содержания кур на птицефабриках в клеточной тесноте и создало комиссию, в которую вошел и профессор Бромбель.

— Так вот,— рассказывает Леесмент,— Бромбель написал в своем отчете примерно следующее: «Мне не удалось выяснить, что именно думают и чувствуют куры в клетках птицефабрик. Но удалось выяснить, как они несутся. А несутся они здесь лучше, чем на воле, и лучше, чем при более свободном содержании в больших курятниках. Там тоже есть свои беды, такие, как нечистоты и микробы. А кроме того, они ссорятся и дерутся прямо по-хулигански, от этого нервничают, болеют и, конечно же, хуже несутся». Вот, оказывается, какие мелочи влияют на яйценоскость...

Все эти мелочи учитываются на Таллинской птицефабрике. Предусмотрено даже, что вдруг сотрудникам придет в голову покупать яйца на рынке и таким образом они смогут занести на птицефабрику инфекцию. Но этого не случилось: каждый сотрудник получил право купить со склада фабрики 10 яиц в неделю, а если у него есть дети, то на каждого ребенка еще по пять. Продают их сотрудникам по себестоимости. Яйца тут крупные, свежие, дешевые, зачем же на рынок идти? И нет на птицефабрике куриных болезней, никаких вакцинаций не проводится, и нервы куриные спокойны.

А как живут люди, за птицами ухаживающие? А они тоже хорошо живут. За пятилетку для рабочих птицефабрики построено 120 квартир со всеми удобствами, просторная столовая, красивый клуб, комбинат бытового обслуживания, баня, стоматологический кабинет. И еще — свой лагерь отдыха на берегу Черного моря, где каждое лето загорают сто рабочих птицефабрики.

— Все это прекрасно,— скажет читатель,— однако при чем же тут сказка о золотом яйце, которое упоминалось вначале?

А вот при чем. Были мы на Таллинской птицефабрике 17 декабря, именно в тот день одна из кур снесла пятидесятимиллионное яйцо. Женщины позолотили его, написали на нем: «50 миллионов 1970 года». Уложили в обычную упаковочную коробку и отослали в один из 177 магазинов Таллина, куда птицефабрика ежедневно поставляет яйца и куриное мясо.

Кто получил золотое яйцо, пусть радуется, а кто его не получил, пусть тоже радуется: к концу года птицефабрика дала 52 миллиона яиц, выполнив годовой план на 173 процента и отправив, кроме Таллина и других городов республики, 10 миллионов яиц в торговую сеть за пределы Эстонии.

А как же с куриным мясом? Его, в общем-то, хватает. Однако леггорны, как известно, птицы не мясные, а яйценоские. Но в республике накоплен опыт ведения крупных хозяйств, а Эстонская сельхозакадемия подготовила первый выпуск зоотехников с птицеводческим уклоном, и поэтому республика в ближайшее время приступит к разведению и бройлерных цыплят.

Фото А. Награльяна.

А. СТАРКОВ

ВЕЧЕРА С МОРЯКОВЫМ

Начало — на 2-й странице обложки.

Вечер первый. В ГОСТИНИЦЕ. ЗНАКОМСТВО.

— Фамилия моя, говорите, редкая? Корень-то у нее простой, а однофамильцев действительно не встречал. Похожа на псевдоним. Она у нас в роду недавняя, от деда. Прадед иначе как-то звался, а как — не помню. Сынишка его, мой дед, отправился в Петербург в какие-нибудь ученики наниматься. Приехал через год на побывку, и вся улица моряком стала звать, поскольку Питер — город морской. А парень был в учениках у сапожника, но от клички не отказался, понравилась ему, и позже он ее даже в фамилию превратил... Сапожничал, можно считать, до смертной своей минуты. С последним выдохом выпал у него изо рта зажатый меж губ деревянный гвоздик. Сколько он таких гвоздков в сапоги-ботинки вколотил! Сколько людей обул! Лишь своим, семье, не шил. Да и из чего мог шить, если за всю жизнь клочка кожи не выкроил для себя. Мы носили покупную обувь, и дед чинил ее и перечинивал. Вот уж так, кажется, стопчешь, что, кроме дыр, ничего не остается. А он говорит: «Попробую еще залатать, последний разок». И снова бегаешь до сплошных дыр, и опять он говорит: «Дай-ка сюда». Возвращает новенькими, латок не видать. Мастеровой был классный, модельный. Бабка ему помогала смолоду, кроила заготовки. И старший сын Николай, мой отец, тоже сапожничал попервоначалу, и дед говорил: «Я что? Рукомесленник обыкновенный. Вот Колька — талант!» И был в сильной обиде, когда тот сапожному делу предпочел литейное, в формовщики пошел на верфь. Обиделся дед и больше никого в семье своему ремеслу не обучал. Младший его, дядя Саша, на той же верфи сдаточным механиком работал. Я мальчишкой в войну бегал к деду в артель. «Заря» называлась. Они там сапоги шили для армии, валенки валяли. Я приносил ему обед, рядышком присаживался, клянчил молоток дать, гвозди. А он говорил строго: «Не марайся» — и выпроваживал домой.

Один, значит, дед Моряков, другой, по матери,— Рыбкин. Не шучу, Рыбкин был второй дед. Фамилия то ли по городу Рыбинску, где мы все жили, то ли по рыбному промыслу. Но сам этот дед не рыбачил. Он был огородник, знаменитый овощевод, про его, рыбкинские, помидоры и огурцы в книгах написано. Когда ни придешь к нему, бывало, в огромную теплицу, вечно в руках длинный кривой нож. Обрезáл, полол, прививал, пересаживал. Только я ни разу готового, съедобного овоща у него не видел — всё всегда в цвету, так уж мне не везло, наверно. А угощала бабушка. Со своего крошечного огородика... Но я у них редно бывал — далековато, на другом берегу Волги. Рыбинск на обоих, мы жили на левом, в Заволжье, у самой реки, при верфи. Сколько себя помню — в воде! Из речных наших мальчишечьих забав самая опасная была — прыжок с «Информатора». Пароход с таким странным названием. Связывал верфь, наш поселок с правым берегом, с центром города. Человек сто брал, двухпалубный. Вот забраться незаметно на верхнюю, голышом забраться, оставив одежку на пристани, притаиться в темном уголке и, когда пароход уже на середине реки и развил скорость, выскочить с криком-гиком из укрытия, сигануть через борт вниз, в фарватер, и плыть саженками меж снующих там катеров обратно к пристани за одеждой — это ли не удовольствие? И такое же не менее рискованное — с самого причала прыгнуть, с крыши над ним. Она короткая, наполовину дебаркадера, чуть не рассчитаешь — врежешься башкой в доски. Но зато летишь над людьми, над толпой, слышишь, как все в один выдох: «А-ах!», а ты уже в воде... В войну на той же пристани у нас, у мальчишек, была серьезная работа: дежурили на переправе. Пароход «Информатор» угнали по военным надобностям куда-то в другое место. А как людей перевозить с берега на берег? В первый же день, как увели «Информатора», тысячная толпа скопилась на перевозе. Мобилизовали лодочников, вернее сказать, лодки, а сами их владельцы в большинстве своем ушли на войну. В переправщиках их жены, старики, инвалиды, вернувшиеся с фронта,— кто без руки, кто без ноги. Трудно такому управляться с веслами в набитой пассажирами лодке. Вот мы, мальчишки, и помогали перевозчикам. За лодками ухаживали, чтобы были сухие, да и гребли, на руле сидели не хуже взрослых. А Волга разбушуется, попробуй выгрести против волны. Выгребали.

Рос, как видите, у реки, Волга нянчила. А какое-то время, года полтора перед войной,— у моря, в Новом Петергофе. Я попал туда с тетей Олей, сестрой отца, которая вышла замуж за флотского механика Колотилова Александра Михайловича. Моя мать тяжело болела легкими, почти не вставала с постели, и тетушка взяла меня к себе. Мы жили в Петергофе в доме военно-морского ведомства возле самого залива. Я пошел в школу, и окна нашего класса тоже выходили на залив. Но морская моя жизнь длилась недолго. Колотиловы всей семьей — у них, кроме меня, было двое своих ребятишек — отправились в отпуск. Мы приехали в Рыбинск ранним утром 22 июня 1941 года... Я уже начал вам немного про военную пору. Жили так: ртов было с десяток, а рабочие мужские руки только стариковские, дедовы. И женские — тети Оли, бабушки и моей матери, которая, превозмогая болезнь, нанялась в свинарки в пригородное подсобное хозяйство. Тетя Оля рыбачила на реке с артелью, таскала неводища в двести метров длиной, возвращалась к ночи в сапогах и плаще, с которых не стекла еще вода, да и вся до костей промокшая, ни рук, ни ног не могла разогнуть от усталости, мы помогали ей раздеться, и она валилась на кровать, чтобы с рассветом снова на Волгу; вконец подорвала здоровье и вскоре после войны умерла, как и моя мама. А бабушка — в войну. Пошла с двумя корзинами за грибами. А грибные места от нас далеко считаются, двенадцать километров, но эти версты леший, наверно, палкой мерил. Там куда дальше, по себе знаю, увязался как-то с бабушкой и обратного пути не выдержал, свалился, пришлось ей вместе с лукошками еще и меня тащить на горбу. Вот пошла она за грибами и домой не вернулась. Люди принесли мертвой, нашли с корзинами на дороге. Я тогда первый раз в жизни услышал слово — дистрофия. От голода померла, набрав на всю зиму грибов для семьи...

Все наши мужчины, ушедшие на войну,— отец, дядья — вернулись с войны. Отец, который прошел в пехоте до Варшавы, не был ни ранен, ни контужен. Покалечило через восемь лет после войны и тоже, можно считать, в боевой обстановке. Мы, похоронив маму, жили с Колотиловыми. Их жилье в Петергофе было разрушено, и дядя Саня, как инвалид, получил двухкомнатную квартирку в Ленинграде, на Измайловском проспекте, дом 20, недалеко от Варшавского вокзала. Часть этого дома занимало женское общежитие соседнего завода. И вот однажды вечером, когда мы уже спать ложились, в дверь позвонили. Открыл отец — стоят три заплаканные девицы из общежития. Возвращаются, говорят, из кино, всем трем в ночную смену, переодеться надо, а какие-то хулиганы внизу не пускают. Отец накинул пиджачок и во двор. Там тихо, нет никого. «Где же они?» — спрашивает отец. «Не знаем,— говорят девчата.— Может, ушли, а может, притаились. Проводите нас, пожалуйста, дядя Коля!» И он повел их через двор, сам впереди. Только шагнул

в подъезд, где общежитие, кинулись на него сразу пятеро. От первого удара увернулся, ушел и от второго, сам кого-то рванул на себя, опрокинул, ножа не увидел, не почувствовал, но парни вдруг отступили, разбежались. Девушки пошли домой, и отец домой. Переступил через порог квартиры и упал. В спине у самой шеи торчал нож. Неделю — в бессознании. Полгода на больничной койке. Перерезан нерв, и рука недвижна. Представляете, правая рука формовщика! Та, в которой гладилка, лопатка, молоток. И она мертвеет, сохнет. Кажется, и спичечного коробка не удержит. Кисть чуть-чуть сгибалась, едва шевелились пальцы. И отец заставлял их трудиться, не бросал формовки. Прижмет левой рукой правую к туловищу, чтобы была устойчивей, и набивает опоку. Работал покалеченной, здоровая лишь поддерживала, помогала ей. Медленнее, конечно, формовал, чем прежде. Но с тем же качеством. По самому высокому разряду: художественное литье. Детали редкие, уникальные — металлический орнамент для станций метро...

А с дядей Саней Колотиловым война расправилась, как смогла. В живых-то оставила, ни пули, ни осколка в него не послала, но рану нанесла самую страшную — ослепила. При каких обстоятельствах это произошло — на море ли, на суше — он не рассказывал, да и вообще не любит говорить про войну. Знаю, что плавал на Балтике, был в Таллинской операции, в конвоях, на Ханко. Зимовал в блокаду на Неве, снова плавал. Под конец войны тетя Оля получила письмо из госпиталя, написанное чужой рукой, и поехала в Ленинград. Постепенно и все мы туда перебрались. Я никогда не слышал от дяди Сани жалоб на судьбу, которая достаточно поизмывалась над ним. Дала какую-то надежду — зрение частично вернулось — и там же, в госпитале, отняла ее, окончательно погасив свет перед глазами... Для посторонних людей, впервые приходивших к нам, единственным признаком слепоты Александра Михайловича были его черные окуляры. Он свободно ориентировался в квартире, все делал сам. Плел для артели слепых корзинки на дому, рыболовные сети вязал, шил тапочки. ОТК, приемщиком у него был дед Моряков. Сперва подправлял, доделывал, а потом нужды в этом не стало, продукция шла безупречная. Они вместе относили изделия в артель. Нес мешок дядя Саня, дедушка — поводырем... Я часто бываю у Александра Михайловича. Он живет один — нет жены, дети разъехались,— но не бобылем. Вечно люди у него, всегда дела. В комнатах чистенько, все прибрано, каждая вещь знает свое место, будто женские руки тут хозяйничают. Крошечной стружечки не оставит на полу, сметет. У него ведь станок поставлен от артели. Маленький сверлильный. А он его приспособил подо всякую работу. И под токарную: нарезает метчиком гайки не хуже зрячих токарей. Поводыря нет — дед умер,— сам приносит со склада заготовки и относит готовые изделия. А если кто и идет с ним, не любит, чтобы брали под руку.

В то время, как наша семья начала перебираться в Ленинград, у меня была возможность на Балтику попасть, во флот. В Рыбинске объявили набор окончивших семилетку в школу юнг. И мы всем классом записались, то есть все мальчишки. И даже одна девочка с нами, которой удалось проскочить каким-то образом предварительную комиссию. А вот меня на первом же этапе забраковали, хотя мне-то полагалось бы, по фамилии, вне конкурса пройти. К тому же с отличной рекомендацией от райкома комсомола. Но норма роста! Требовалось не менее одного метра пятидесяти сантиметров. А я с трудом, всем телом вытягиваясь в струнку, до метра сорока дотягивал. Оказался в деда, которого тоже когда-то из-за малого роста не взяли в армию. Он говорил, что все его недостающие сантиметры забрал старший брат, служивший в гренадерах. Действительно, судя по висевшей у нас дома фотографии, на зависть был здоровенный дядька... А я как сравнялся с дедом, так и не рос больше. Уже взрослым был токарем, имел рабочий разряд, а у станка приходилось взбираться на специальную подставку, как ученику какому, салаге. Подставки-то у всех токарей: деревянная решетка, чтобы стружка, не обжигая ног, вниз сыпалась, в прорези. У меня же был довольно высокий ящик с решеткой, иначе я не доставал до резца, до патрона. Подошло в армию идти, думал — не возьмут. Тем более, в училище я собирался, на офицера. Хорош командир, которого в трамвае принимают со спины за школьника из младших классов... Но прошел. «Ничего,— сказал председатель комиссии.— Будем надеяться, что вы подрастете на армейских хлебах». Не знаю, на хлебах ли, на супах, а я и в самом деле вырос за три года военной службы на двадцать восемь сантиметров, на целую, как говорится, голову.

Прочитав эту запись, не подумайте, пожалуйста, что Моряков вот так, без устали и останову, все говорит и говорит о себе. Просто я стремился из нашей первой беседы с ним, которая была отнюдь не одноголосой и не однотемной, как и все последующие, выделить для читателя прежде всего автобиографическую линию, что ли, поскольку решил написать об одной обыкновенной жизни. И вести я буду рассказ в основном от первого лица, что для автора как-то сподручней, проще, освобождает от потуг на беллетризацию. Правда, «первое лицо» чревато другой опасностью — подделкой под говор рассказчика, речевой стилизацией, которая хороша только будучи органичной, чего редко кому удается достичь. Но мне эти подводные камни, кажется, не страшны. Мы с Евгением Николаевичем оба городские жители, он почти всю жизнь провел в Ленинграде, я бывший ленинградец. И у нас с ним словесный запас примерно одинаковый как по своему количеству, так и по составу. Так что, передавая речь Морякова, у меня нет надобности стилизовать, я могу оставаться самим собой.

Вечер второй. ТАМ ЖЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА.

— Извините, опоздал. Внеочередное заседание бюро райкома партии. Приемных дел скопилось... Хотел предупредить, звонил, не было вас в номере.

...Моя морская карьера не состоялась, значит. С год проучился в Рыбинске — восьмой кончил. И осенью с дедом — в Ленинград, к Колотиловым. Я уже говорил, что они жили на Измайловском, дом 20. А в соседнем — завод «Электроинструмент». Невелик заводишко, но приметный. Продукция на всесоюзный спрос: электрические дрели, рубанки, точила... То, что я сразу пойду работать, было решено еще в Рыбинске. А куда, тоже определилось без долгих размышлений: завод рядом, чего же еще искать? До проходной — две минуты. Обедать бегал домой. А с самой работой не повезло. Вернее, с человеком, к которому приставили в ученики, в подручные. Это был старший монтер из отдела главного механика. Не помню, как его звали, имена-отчества плохих людей не откладываются в моей памяти. Впрочем, не такой уж он был плохой. Работящий, засосанный текучкой. В тот год, из первых послевоенных, в городе лихорадило с электроэнергией, все время перебои, приходилось подключать свои движки, забот у монтера хватало. Но тем быстрее следовало ему готовить для себя толковых помощников, разгрузиться. На то и ученики, которых у него было трое. Да он-то, к сожалению, не считал нас своими учениками. Подручными — да, в том смысле, чтобы всегда были под рукой: подай да подмети.

Я увлекался в школе электричеством, в кружке состоял, кое-что смыслил в проводке, в схемах. А тут, на заводе, так ничего и не добавил к тому, что знал. Монтер не учил, гонял, как мог, а это он умел. Но не потому поминаю я его лихом, что гонял, а за то, что отбивал охоту к работе. Вентилятор, помню, ремонтировали в котельной. Можно — вместе с учеником, наставляя его делу. А можно ученичка — в кочегарку: вытащи вентилятор, вычисти, выскреби, оббив пальцы, в саже по уши. Разбирать же, собирать, заменять детали — самое интересное! — будет он сам, специалист, мастер. А тебя тем временем в другую грязную дыру гонит... Скажете, затаил я обиду на того человека. А вы представьте себе мальчишку, у которого штамп о приеме на работу в метрическое свидетельство поставлен, за неимением еще паспорта. Завод — как поле нехоженое, темный бор для такого пацана. Чем обернутся первые его впечатления? Привязанностью? Равнодушием? Или, того хуже, отвращением к делу, которым занят? А это уж от того зависит, кто встретил и как повел. Если ты только затычка в бочке, челнок-бегунок, а рука старшего молотком над тобой, погонялкой — обида законная...

Одно было хорошо в те первые дни на заводе: как подручный монтера, я сновал по всем цехам, все производство видел. Нравилось. И особенно в механическом. Там на токарном участке по случайному совпадению работали ребята из Рыбинска, из ремесленного училища. Оттуда целиком весь выпуск распределили по ленинградским заводам, и часть попала на наш. Я ни с кем из них не был знаком прежде, но земляки все-таки. То возле одного постоишь сбоку, то около другого, наблюдая за движением суппорта, за стружкой, бегущей из-под резца. И не замечал, что за мной тоже наблюдают, что поглядывает на меня мастер Эдуард Иванович. Возможно, кто-то из рыбинских рассказал ему, как я мыкаюсь с монтером. Потому что подходит однажды и говорит: «Приглянулось у нас? Переходи». А я говорю, что монтер может не отпустить. «Я уже с ним договорился. Он, между прочим, не сразу и понял, о ком я прошу. Имен своих учеников не знает...» И в тот же день перевели меня на участок к Эдуарду Ивановичу. Вашкель была фамилия. Из эстонцев скорее всего, но коренной питерский, с Малой Охты, даже акцента не перенявший от своих предков. Изредка только «т» вместо «д» промелькнет: «Тумать нато...» Это когда увлечется в разговоре или разволнуется. Голову запрокинет, глаза в небо, будто ищет там нужные слова. И похож в такую минуту на доброго проповедника. Мы любили его слушать. Нотацию прочтет — не обидит, не унизит. Помню, он мне про мой станок говорил. То была скрипучая телега, а не станок. Неизвестной марки: таблички на нем давно уже не было, в инвентарных списках не числился, и никто не помнил, откуда он появился в цехе. Говорили, что примерно такой же в домике Петра Первого стоит, в Летнем саду. Ровесники... Конечно, я понимал, что не снимут же опытного токаря с хорошего станка, чтобы освободить его для меня, начинающего. Но мне хотелось поскорее набрать квалификацию, а с таким инвалидом-паралитиком одни слезы, не работа. Слезы — натуральные. От обиды, что опять не получается: у монтера не прижился, и здесь не выходит. А пожалуешься — решат, что просто капризный, избалованный мальчишка: всё не по нему, всё не нравится. Таких не любят на производстве, да и где их любят? И поэтому я старался, чтобы слезы мои были незримы миру, по Гоголю.

А Эдуард Иванович углядел, подошел. У меня как раз деталь било в патроне. Длинная прямоугольная крышечка от коробки перебора. С отверстием для ввода кабеля. Надо было подрезать торец. Сама подрезка несложная, но стоит лишь включить скорость, крышку бьет и бьет в кулачках, они ее выталкивают, выдавливают из себя, хвост торчит, вибрирует, и никак не удается ровно подрезать, все время перекос, отверстие смещается. И стружка не вьется, а разлетается веером, обжигая руки, лицо. Кляну своего инвалида, с завистью глядя на соседние нормальные станки. Вот в такой момент и подошел Эдуард Иванович, сдвинул на лоб очки, сощурился, вгляделся, нет, не в резец, не в патрон, в лицо мое вгляделся, вмиг прочитав на нем все потайные чувства. «Слушай, дружок,— сказал он.— Не сосредоточивайся-ка ты, любезный, на пагубной мыслишке, что станок-де у тебя хуже всех. Из старикана можно еще кое-что выжать. Не лей над ним горючих слез, самого заставь плакать, пусть почувствует твои твердые руки... А ну-ка, дай их сюда! — И добавил: — Делай, как я!» Это флотский сигнал такой есть, когда флагман командует идущим за ним кораблям. «Делай, как я»,— сказал Эдуард Иванович и положил свои большие, покрытые рыжеватым пушком и мелкими веснушками кисти рук на мои, державшие в ладонях ключ, сцепил их крепко-накрепко, и я своими руками, то есть его руками, управлявшими моими, заново зажал каждый кулачок патрона в отдельности, сделав это вроде бы так же, как раньше. И немножечко не так: чуть другой наклон кистей, чуть другие движения пальцев, чуть иной поворот корпусом, плечами, и кулачки намертво схватывают деталь, она не вибрирует, не дрожит, подставляя себя резцу. Еще один такой же совместный маневр, еще раз «делай, как я!», и Эдуард Иванович мог отнять свои руки, снова оставив мои в одиночестве, потому что они уже в точности знали, как себя вести, обученные руками мастера.

...Тут как-то я выступал на заводе «Редуктор». С отчетным перед коммунистами докладом о работе райкома партии. Как член бюро. Такие отчеты — раз в год. Материал подготовлен, отпечатан. Вообще-то не люблю выступать читая. Да еще и не тобой самим написанное. Но это официальный доклад, утвержденный бюро, и импровизация не положена. А все-таки пришлось отступить немного от текста. Я вышел к трибуне, положил перед собой листки и вижу: Вашкель в первом ряду. Я не знал, что он теперь на этом заводе. Мы давно не встречались, больше десяти лет, с того времени, как «Электроинструмент» перевели в Выборг с оборудованием, с людьми, а кто остался в

Ленинграде, растеклись по разным предприятиям. Я увидел Эдуарда Ивановича, обрадовался, кивнул ему с трибуны, он — ответно, а, заканчивая доклад, я сказал, что вот сидит в зале мой бывший мастер товарищ Вашкель и я пользуюсь случаем поблагодарить его сердечно за всю преподанную им науку, которую никогда не забуду. На партийных собраниях не принято аплодировать, а тут захлопали, и щеки старика порозовели от удовольствия. Потом мы вместе возвращались с собрания, одну троллейбусную остановку миновали, другую, на третьей пропустили с пяток машин, всё вспоминали наш прежний завод, ребят с участка, кто где сейчас, первые мои страдания со стареньким станком. Не такой уж безнадежный оказался он калека. Мы с Эдуардом Ивановичем подлечили его, подналадили, сменив коекакие части. И он долго еще был полезен. Особо высокого класса точности не давал, понятно. Подбирали ему работу по силенкам, в его диапазонах, и получалась довольно обширная номенклатура. Мы привыкли друг к другу — я имею в виду себя и станок,— и, хотя у меня не раз появлялась возможность перейти на более современный, жаль было расставаться с ветераном. Я изменил ему только, когда высвободился новенький «Сидней», шикарный английский станочек-универсал. На нем работали токарные асы-виртуозы Потанин и Захаров, чье мастерство я считал для себя недосягаемым. И вот первый заболел, второго взяли в армию. Мне предложили заменить одного из них. Честь! И соблазн был так велик, что на этот раз я не смог устоять перед ним...

Вспомнили мы с Вашкелем и мою театральную деятельность. Она развивалась не на сцене, не на подмостках, а вокруг них. Эдуард Иванович был человек общественный, его несколько раз выбирали председателем завкома. Неосвобожденным, поскольку завод маленький. И он привлекал к своим завкомовским делам добровольных помощников. И недобровольных иногда, используя, если хотите, служебную власть, как мастер. Со мной, во всяком случае, он поступил именно так. Протягивает однажды толстую пачку бумажек. Я, не разглядев, подумал, что наряды на работу. Но что-то их слишком много да и какие-то узенькие. Это были билеты в театры. «Распространишь,— говорит,— у себя в цехе, а можешь и в других цехах». «Я,— говорю,— никогда ничего не продавал. Не умею...» «Обучишься. Это тебе мое твердое задание: продать все до одного! Получишь в награду один билет за счет завкома. А подумаем, два дадим. Галочку пригласишь...» (Это была такая девочка на комплектовке, сейчас моя жена, Галина Владимировна.) «Мне не надо бесплатно,— обиделся я.— Вполне прилично зарабатываю, чтобы на свои сходить. И даже вдвоем». «Еще лучше! — сказал Эдуард Иванович.— Сразу видно, что ты бескорыстный общественник...» Первую пачку распродал — Вашкель мне вторую. Не во все театры брали охотно, не на каждый спектакль. Я поехал в Центральную кассу, привез афиши, программки, снимки сцен из спектаклей, портреты артистов. Часть развесил, часть с собой носил, предлагая билеты. Подбирал вырезки из газет, рецензии, тоже вывешивал на специальную доску. Один раз не вчитался, наклеил отрицательную рецензию, и народ повалил на эту постановку. Хитрил понемножку: к билету на ходовую, дефицитную пьесу — довесочек, на пьесу похуже. Но коммерция коммерцией: походив на спектакли, научившись отличать хорошее от плохого, я стал больше агитировать за те, что самому понравились. И коммерция начала страдать, отступая на второй план. Я уже не просто продавал билеты, я не всучивал их, а старался как-то направить вкус своих клиентов, сообразно, конечно, собственному разумению. А к собственному прибавлял и разумение со стороны: у нас образовался кружок театралов, к нам приезжали режиссеры, артисты, критики, мы обсуждали пьесы и спектакли. К этому времени я был культсектор завкома.

Вот так, с театральных билетов, пошла общественная, что ли, линия в моей жизни. Седьмые выборы в партсекретарях, третий созыв депутатство в Ленсовете, райкомовские обязанности... Сыграли тут свое и армейские годы: сперва в полковой школе, затем в общевойсковом училище. В школе я прошел «курс Ободовского». Так обозначаю я для себя этот период, эти одиннадцать месяцев во взводе, которым командовал лейтенант Ободовский, ленинградец. У каждого из нас есть в биографии какой-то главный человек, оставивший в твоей душе особый след. А повезло, и несколько таких главных, у которых ты взял наиболее важные уроки жизни. Они бывают, впрочем, разные, эти уроки. Пребывание «под рукой» у монтера тоже ведь урок. Но я везучий на хороших людей, на хороших «главных». Вслед за Вашкелем — Ободовский. Молоденький, чуть постарше своих подчиненных, лейтенант, только что из училища. По-моему, наш минометный взвод был первым на его командирском пути. Народ во взводе всякий, разнокалиберный. И самого мелкого, в прямом смысле, калибру — солдатик по прозванию Моряков. Шинель ему так и не подобрали в каптерке, наименьшую по росту пришлось ушивать, укорачивать; гимнастерка «играла», вся в складках. Хилая, худосочная единица. Бежит в кроссе, за долгоногими не угнаться, где-то в хвосте, а не сходит с дистанции, на одном самолюбии тянет. В общем, незавидный служака, не военная косточка. У другого командира, у солдафона, такому бы света божьего не взвидеть, не вылезать бы из внеочередных нарядов на кухню, все увольнения в город — мимо. А Ободовскому что-то привиделось в этом бедолаге. Он заметил, что я с людьми лажу, не подлаживаясь.

В казарме на соседних с моей койках — узбек, грузин, татарин, адыгеец, калмык. А всего во взводе двенадцать наций. Прямо-таки вавилонское смешение языков. Но не по притче, без разлада, в полном согласии. И если б ту пресловутую башню в Вавилоне строил наш взвод, мы бы наверняка достроили ее... Хотя у командира и были немалые сложности с таким контингентом: парни с гор, из степных селений, из далеких кишлаков. Со своими обычаями, привычками, понятиями. Не с каждым найдешь сразу общий язык. Тем более что не все хорошо знали русский, а некоторые с трудом на нем говорили. Общение между ними усложнено. Мне нравились эти ребята, я любил ходить с ними в увольнение. Город, в котором мы служили, был небольшой, но заметный в российской истории. Через него прошли войны, была старинная крепость, много памятников. В прогулках по городу я был частенько толмач, переводчик, поскольку перенял уже коечто из языка тех, с кем дружил. Я и сейчас помню немножко из узбекского, из грузинского... Вот Ободовский и потянул эту ниточку. Он ввел в дневной распорядок взвода «час русского языка». И поручил его мне вести. Никакой я не педагог, не шибкий был специалист в орфографии, да и нынче, когда заканчиваю десятый класс вечерней школы, хватает ошибок в сочинениях. А про орфоэпию я и не знал, что есть такая наука о произношении. Мы просто читали вслух газеты, книги, стихи, и ребята практиковались в произношении, а если слово или целое выражение было непонятным, я объяснял их. Это было очень полезно и для меня самого. При обычном беглом чтении про себя не вчитываешься ведь в каждое словечко, смысл ясен, и ладно. А к «часу русского языка» следовало готовиться. Я заранее прочитывал тексты, выписывая то, что могло потребовать разъяснений, и лез в словари. В Ушакова, в «Синонимы». Приобрел книгу Успенского «Слово о словах», вырезал из «Огонька» заметочки «Почему мы так говорим», даже кроссворды использовал как наглядное пособие для занятий. Наш «час» длился, бывало, и два часа, к нам приходили заниматься и из других подразделений. На кроссах я по-прежнему первым не прибегал, но коэффициент моего полезного действия на армейской службе явно повысился. Я был благодарен за это командиру взвода. И, как Вашкелю на «Редукторе», смог недавно сказать слова признательности и лейтенанту Ободовскому, подполковнику Ободовскому, правда, не на собрании — в парикмахерской.

Не стал я кадровым военным, хотя и окончил пехотное училище. Прошла демобилизация офицерского состава. И я лейтенантом запаса возвратился на свой «Электроинструмент». Так бы и пребывал там до сих пор — не люблю перелетов,— если б завод не переехал. Может, и я бы с ним передислоцировался, будь холостой, но семья, квартира в Ленинграде... Безработным пробыл полдня. Утром получил расчет, а к вечеру... Под вечер шли мы со Славой Степановым, моим соседом по станку. У нас была одинаковая квалификация, станки одной марки, и работали мы часто по одному наряду. Деталь — на двоих, он — первую операцию, я — вторую, он — третью, я — четвертую. Зачем же выписывать два наряда, бумагу тратить? И бухгалтерии проще, подсчитали заработок, и пополам на брата. Такой способ хорош, если отношения у вас с напарником действительно братские, без завистничества... Шли мы со Славкой, получив расчет, по Лиговке. Решено, что будем вместе устраиваться, а куда? «Надоело,— говорит,— прозябать на маленьком заводике. Давай, Женя, на какой-нибудь гигант подадимся. На «Электросилу», на Кировский. Простору там больше, интересней». «Не знаю,— говорю,— как с простором, а интерес всюду имеется». «Ну не на этот же,— говорит,— наниматься? — И показывает на вывеску, мимо которой мы проходили: «Завод строительных машин».— Кому известна такая шарашка? Даже имени нет...» «А почему бы,— говорю,— и не сюда? Попробуем». В отделе кадров начальница пальто надевала: было без пяти пять. Услышала, что мы токари, сняла пальто. Говорит, показывая в окно: «Бегите вон в тот цех, в инструменталку, к старшему мастеру Бедновичу, доложитесь, я буду ждать...» Беднович нам: «Токаря? Оба? Выходите в вечернюю». «Завтра?» «Сегодня!» «А оформиться?» «Трудовые книжки с собой? Паспорта? Сам оформлю. А вы к станкам. Вон ваш... как вас?.. товарищ Степанов, а это ваш... товарищ Моряков. Сейчас наряды принесу...» Вот так, с ходу, с колеса! В горячий мы угодили момент. Ленинградской промышленности был срочный правительственный заказ для сельского хозяйства: безлафетные жатки. По радио каждое утро передавалось, как идет с жатками. Один из узлов собирали на этом заводе. В большом количестве, на потоке. А людей не хватало — токарей прежде всего, фрезеровщиков. И вдруг сразу два токаря, как с неба...

В первые дни мастер — не Беднович, тот был старший мастер цеха, а этот на участке, старичок такой добродушный — дал мне работу полегче. Трудовой моей книжки не видел, не знал, какой у меня разряд, чтó я умею. И подобрал для начала простенькую деталь, ось для жатки. Операция самая примитивная: отрезать, снять фаску. Не хитрó, да нудно,— зажать, отжать, зажать, отжать,— и в силу этой своей нудности утомительно. Оси шли на сборку, первую партию — штук сорок — быстро забрали, а за остальными комплектовщица что-то не являлась. Я приспособил резец с пластинкой твердого сплава так, чтобы он одновременно и отрезáл и снимал фаску. Детали выскакивали, как из автомата, и я складывал их в железный сундук, стоявший возле станка. Думаю, сотни три набежало за смену. Старичок мастер подходил: «Трудимся? Ну давай-давай...» И к концу второго дня подошел, поглядел: «Трудимся? Ну давай-давай...» На третий день те же слова сказал. Отошел и вдруг вернулся: «Постой, а что ты режешь?» Забыл, видно, постариковски, какое давал задание. «Как что? — говорю.— Оси». «Какие оси?» «Шестьдесят на двадцать». «И сколько же ты их нарезал?» «Не считал. С тысячу, наверно». «Сколько?!» «А вы поглядите в сундуке». Глянул, крышка уже не закрывается, набито поверх края. За три дня напек я этих осей на три месяца вперед, на три месяца обеспечил сборку... Мог бы брыкнуть в самом начале, отказаться от такой работенки, сочтя ее для себя унизительной. Ученику-де она в самый раз, а не для токаря с пятым разрядом. Сдержал гордыню. Жизненный опыт подсказывал, что, кроме испытательного срока по приказу, существует другое, негласное и более строгое, испытание для новичка — в глазах окружающих. И не надо выпячивать перед ними свое умение, ничего еще не сделав. Люди всё примечают и видят не только твои руки, чего они могут, а какой ты весь есть, снаружи и изнутри. Примечают, не всегда говоря об этом вслух. И так же молча оценивают, решая, принять тебя в свою семью или нет...

Окончание следует.

В. Маковский. СВИДАНИЕ. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Маковский. НА БУЛЬВАРЕ. 1886—1887.

Государственная Третьяковская галерея.

НА БЕРЕГУ

Мирза ИБРАГИМОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

3

Был один из дней бакинской осени. Прозрачный воздух, синее-пресинее море, высокое безоблачное небо... Солнце щедро, но лучи его не обжигают. И никто не бежит от него, никто не ищет тени. Ребятишки играют на солнцепеке, не прячась под деревьями, люди на улицах переходят на солнечную сторону. Норд меланхолично шелестит опавшей листвой.

Был выходной. В такую погоду ничто не может удержать в городе любителей садоводства. Многие уже с вечера уехали на дачу. Уехали за город и Фархадоглу с Дильбер.

В дороге Фархадоглу вдруг вспомнил о Фаризе, о его больной матери, о том, как трудно приходится парню с дачей... Последнее время дело это у него застопорилось.

— Да не расстраивайся ты, ей-богу, все устроится!..— часто увещевал старик своего ученика.— Не выйдет за один сезон — на следующий год достроишь!

Фариз терпеливо выслушивал такие советы, старался перевести разговор на другую тему и чувствовал, как в нем поднимается раздражение против Фархадоглу: не может помочь, так помалкивал бы!

С недавнего времени его полудетская влюбленность в Фархадоглу стала вдруг остывать — Фариз и сам не заметил, когда это началось. Но он уже несколько раз ловил себя на том, что частенько с трудом удерживается от резкостей. Чем это объяснить? Изменчивостью человеческой натуры?

Когда Фархадоглу и его жена подъезжали к дачному поселку, нежаркое осеннее солнце уже садилось. Лучи его играли в цветных оконных стеклах, поблескивали на гребнях волн.

— А все-таки хороша жизнь!..— сказал Фархадоглу, очарованный прелестью вечера.

Он представил себе этот дачный поселок через пять, ну, пусть через десять лет... Красивые зеленые улицы, даже не улицы, аллеи... Вместо серых, кое-как наспех сложенных каменных заборов, где сейчас охотно гнездятся змеи, стройные, сложенные из «кубиков» стены, защищающие поселок от ветра... Высокие, посаженные в ряд сосны... Нарядные лестницы, балюстрады... И ведь все это будет. Должно быть! Старики привыкли к узким переулкам, скверным дорогам, но молодые-то не станут их терпеть!..

Продолжение. См. «Огонек» № 3.

Машина в последний раз свернула и вышла на пустырь, где возвышался их дом. Снова открылся горизонт. Когда подъезжали к дому, Фархадоглу заметил:

— Смотри, Дильбер, сколько машин понаехало!.. Похоже, из города...

— Да... Костер разложили, пламя чуть не до неба. Это, наверное, к Фаризу гости.

Огонь вздымался выше Фаризова недостроенного дома. С тех пор, как сюда провели газ, дрова перестали быть ценностью и сухих веток было кругом столько, что не только барана — верблюда можно было изжарить на вертеле.

Фариз встретил их у самой машины. Веселый, улыбающийся, приветливый.

— Добро пожаловать, учитель, добро пожаловать! Всегда рад вас видеть, Дильбер-ханум! А я уж решил было за вами машину посылать — без вас кусок в горло не лезет! Клянусь честью!

Он взял Дильбер-ханум под руку, помог ей выйти из машины и вдруг остановился, словно забыл еще что-то сказать.

— Вчера вам сто раз звонил. У вас телефон не работает?

Фархадоглу и Дильбер-ханум переглянулись.

— Да нет, телефон у нас в порядке,— с улыбкой ответила Дильбер-ханум.— И вчера я никуда не уходила.

— Так в чем же дело? Я по меньшей мере раз десять звонил — клянусь честью!

Фархадоглу вдруг почувствовал, что не может больше этого слышать: «Клянусь честью», «Всегда рад вас видеть», «Кусок в горло не полезет...» Какие фальшивые слова! К чему этот непристойный подхалимаж, это вранье? И где он набрался всего этого?! Да что я, шашлыка не ел, почему я должен оскорбиться, если ты без меня зарежешь барана и угостишь своих друзей?!.»

Охваченный этими невеселыми размышлениями, Фархадоглу направился к жарко полыхавшему костру, предоставив Дильбер-ханум одной наслаждаться шербетом лести; Дильбер выдержит: женщины, они вообще от природы более выносливы. К тому же она сейчас прекрасно настроена, не может равнодушно смотреть на костер — так и тянет ее к огню, словно бабочку.

Костер разложили прямо на песке меж больших камней. Сейчас в нем, потрескивая, дымили сухие виноградные лозы, выкорчеванные пни, срезанные садоводами абрикосовые и алычовые ветки. Фархадоглу подбросил еще несколько поленьев и поворошил в костре длинной палкой.

Поодаль от костра какие-то незнакомые женщины, засучив рукава, готовили шашлык.

Фариз под руку с Дильбер-ханум подошел к огню и громко провозгласил:

— Друзья! Две минуты внимания! Считаю своим приятным долгом отрекомендовать вам Дильбер-ханум и Фархадоглу. Рад сказать вам...

Не сомневаясь, что за столь торжественным вступлением последует множество пышных эпитетов, Фархадоглу поспешил прервать Фариза.

— Я очень рад познакомиться,— сдержанно сказал он, кланяясь стоявшим у костра.— Особенно приятно, что знакомство наше состоится здесь, у костра, так сказать, на лоне природы...— И обернулся к Фаризу: — Прошу тебя, представь мне, пожалуйста, своих друзей...

— Я как раз и намеревался это сделать. Вот,— Фариз широким жестом обвел собравшихся,— прошу любить и жаловать. Справа налево, как принято писать под фотографиями: эта чернобровая и черноглазая ханум, самозабвенно занимающаяся приготовлением шашлыка,— Сафура-ханум, наша соседка. Теперь прошу взглянуть на этого товарища,— он положил руку на плечо худощавому парню в черном костюме и белой сорочке,— ее друг жизни, или просто-напросто муж.

Одного за другим Фариз отрекомендовал всех.

Фархадоглу повеселел, довольный тем, что удалось вовремя заткнуть рот Фаризу,— слава богу, хоть на этот раз обошлось без восхвалений. Но радовался он преждевременно. Когда Фариз стал представлять крупного, внушительного вида мужчину, стоявшего чуть поодаль и искоса, с явным пренебрежением поглядывавшего на остальных гостей, Фархадоглу понял, что ошибся.

— Взгляните на него, друзья! Взгляните на товарища Джавада! Этот орлиный взор, эта львиная грудь, эти могучие плечи — это не просто красивая мужская внешность. Смею уверить: человек, которого я рад вам представить, действительно могуч, как лев, мужествен и бесстрашен, как орел!.. И я горд, что такой гость...

Фариз заливался соловьем. Уже было сказано все, что обычно говорят в таких случаях, и Фариз импровизировал, говоря, что приходило в голову, что могло произвести впе-

чатление. Впрочем, на «орла», «льва» дифирамбы не производили ни малейшего впечатления. Он стоял молча, равнодушно смотрел на рассыпающегося в похвалах Фариза и изредка пофыркивал, словно закормленный конь. Из восторженных описаний Фариза явствовало, что этот многозначительный товарищ — начальник стройуправления, но творческие его потенции таковы, что он шутя может руководить сотней таких управлений.

— Я не преувеличиваю, друзья! И я не сомневаюсь, что в самом скором времени мы увидим его именно на таком посту, потому что, друзья, не даром говорится: большому кораблю — большое плаванье! — Фариз достал из кармана платок и вытер мокрый лоб.

Фархадоглу занимала подоплека всего этого славословия: «Зачем бедняге понадобилось так истязать себя? Зачем он несет эту непристойную чушь, которая заставляет его краснеть и вгоняет в пот?» Джавад даже заинтересовал Фархадоглу, он обернулся, оглядел строителя. Тот по-прежнему стоял поодаль недоступный, значительный, и гордо молчал.

— Значит, строите? — обратился Фархадоглу к Джаваду, пытаясь завязать разговор.

Тот смерил его коротким выразительным взглядом:

— Строим!

Он дал понять, что разговор продолжать не следует. Но старый журналист всякого повидал на своем веку.

— Дома строите или завод? — спросил он.

— Завод.

— И какой же?

— Номерной.

Произнеся последнее слово, строитель стал вовсе уже не доступен. Но Фархадоглу упорно продолжал задавать вопросы. Тогда Джавад просто отошел, с достоинством, не спеша... «А забавный мужик! — подумал Фархадоглу.— Не часто встретишь такой экземпляр!..»

— Друзья, прошу к столу! — пригласил Фариз.

Все засуетились, рассаживаясь.

Из ящиков и из дедовских плетеных корзин достали коньяк, вино, водку, бутылки с лимонадом, расставили на столе.

Две женщины с засученными рукавами и два бородатых молодых человека стали разносить шашлык. Они снимали мясо с шампуров и, не давая ему остывать, проворно раскладывали по тарелкам.

— Ешьте, пока горячее! Ешьте на здоровье!

Но уговаривать нужды не было — мясо так соблазнительно пахло!..

— Фархаду-муаллиму не дожаривайте! — крикнул Фариз хлопотавшим у очага.— Он любит сыроватый!

— Правильно! — хохотнул один из гостей.— Как говорили наши отцы и деды, мясцо с сырой кровью, джигит с черной бровью.— И кивнул в сторону Джавада.

Джавад благосклонно взглянул на Фархадоглу, впервые за весь вечер снисходительно улыбнулся.

— А вот скажите, товарищ журналист, как вы к этим самым отцам относитесь?

— Это в каком же смысле?

— Ну, нравится вам, как нынешняя молодежь к ним относится?

— Отцы и дети! Вечная, неразрешимая проблема! — Это сказал Искандер. Обычно его не слышно и не видно в таких компаниях, потому что он за всеми ухаживает, всем помогает; на этот раз он не промолчал — решил превратить слова Джавада в шутку.

Однако Джавад не принял шутки, смерил Искандера суровым взглядом и снова обернулся к Фархадоглу.

— Мне хотелось бы знать, что думает наш известный журналист о проблеме отцов. Находит он у наших отцов что-нибудь достойное подражания?

Фархадоглу усмехнулся.

— Вы производите впечатление человека, в высшей степени не расположенного к шуткам. Тем не менее я полагаю, что вы шутите!

— Я прошу ответить на мой вопрос!

— Видите ли, я тут самый старший, любому в отцы гожусь, и, вероятно, большинство из вас считает меня старым человеком. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, я боюсь оказаться пристрастным...

— Нет, нет, прошу вас! Это любопытно! Любопытно! — настойчиво повторил Джавад.

— У одного писателя — не помню сейчас, у какого именно,— прекрасно сказано об этом: отцы завещали нам честь!

— А что в ней проку, в чести?!

Джавад сказал это с такой искренностью, с таким неподдельным удивлением, что все от души засмеялись. Он тоже улыбнулся.

— Если б моя воля, если б силенок побольше, я б эти дедовские обычаи каленым железом выжег!

— Вот это здорово! — весело выкрикнул Искандер.

— Уважаемый товарищ, конечно, шутит? — сказал Фархадоглу, вопросительно взглянув на строителя.— Он нас просто разыгрывает!

— Ничего подобного,— мрачно заявил тот.— Я вполне серьезно. Я уверен, что мы должны корчевать гнилые корни, которые тянут вас назад, мешают внедрению нового, ставят в смешное положение перед другими нациями!

— Ну что ж! — воскликнул Фариз, наполняя бокалы и рюмки.— Выпьем за победу нового!

— За победу нового! — повторил Джавад и, желая чокнуться, потянулся к сидящей напротив женщине. Женщина была молода, лет тридцати, среднего роста, черноглазая, с чистым, ласковым взглядом. Она слегка улыбнулась и, кивнув, приподняла свой бокал. Они чокнулись. Джавад одним глотком выпил коньяк, женщина даже не пригубила, поставила на стол нетронутую рюмку. Джавад проследил за ее движением и обернулся к Фархадоглу.

— Вот, пожалуйста, подтверждение моих слов! Недавно мне довелось присутствовать на одном приеме, и так было совестно: наши женщины не умеют выпить бокал вина! И ведь речь идет не о какой-нибудь деревенской старушке — молодая двадцатипятилетняя женщина, человек передовой, известная в республике учительница! А в чем причина? Непреодоленные традиции! Догматическое восприятие их!

Он высказал это абсолютно серьезно.

— Дорогой товарищ Джавад! — почти без улыбки начал Фархадоглу.— Вы намного моложе меня и потому разрешите дать вам совет: не на то тратите вы свои кипучие силы, свой горячий энтузиазм. Будь я на том самом банкете, я вместо того чтоб возмущаться поступком учительницы, встал бы и при всем уважаемом собрании поцеловал ей руку. И сказал бы при этом: «В вашем лице я целую руки всех азербайджанских женщин!»

Поднялся шум. Смеялись, аплодировали, перебрасывались шутливыми репликами.

— Так как же, друзья? — Искандер веселым взглядом окинул стол.— Выпьем за эти женские руки?

Джавад, несколько смущенный, отодвинул свою рюмку.

— Я не пью! Я не подниму бокал за бескультурье!

— Ого! Водка и культура!..— Искандер, возбужденный несколькими рюмками, не собирался сдавать позиций.— Никогда не думал, что это синонимы! Очень редкие синонимы! Находка для пишущей братии! Вот только надо уточнить,— он обернулся к Джаваду, не скрывая насмешки,— какой именно из алкогольных напитков считаете вы синонимом культуры: водку, вино или коньяк?!

— Ты забыл пиво!..— крикнул кто-то.

Снова поднялся веселый шум. Кто-то уже пел, ладонью отстукивая ритм по краю стола, кто-то поднялся танцевать — застолье набирало силу...

Фархадоглу переглянулся с женой, они тихонечко поднялись и, попрощавшись с сидевшими рядом, направились к дому. Фариз вызвался проводить их.

— Слушай, где ты откопал этого типа? — спросил Фархадоглу.

— Ну неужто вы не понимаете, учитель?! — Фариз плохо контролировал себя.— У меня же безвыходное положение. Как говорится, и осла дядей назовешь...

Фархадоглу остановился. Взглянул на Фариза, перевел взгляд на жену. Дильбер сжала его руку — молчи! Но разве он мог смолчать?!

— Здорово у тебя получается, Фариз! Там, за столом, он орел и лев, а здесь осел или что-то похуже! Ладно, иди! Иди, занимай гостей... Но запомни раз навсегда: тот, кто хотя бы из самых что ни на есть деловых соображений способен назвать осла дядей, не может рассчитывать на уважение!

4

Пришла весна. Короткая, бурная бакинская весна. Дожди, которые принесла с собой гроза, прогремевшая в начале мая, наконец кончились, небо стояло высокое, ясное, без единого облачка. Каспий серебряным блеском отливал под весенним солнцем.

В Баку вестники весны — ивы. Они первыми начинают распускаться на улицах, на берегу, в нагорном парке... Бело-алые левкои, украшающие парки и площади, с каждым днем становятся все ярче, все крупнее. Бакинцы любят эти цветы.

Несмотря на седьмой десяток, Фархадоглу с непонятным волнением встречал каждый год весну, аромат левкоев пьянил его, заставлял тревожно колотиться сердце. И не было ни одной весны за те тридцать пять лет, что они

прожили вместе, чтобы он не преподносил своей Дильбер цветы.

В то майское утро Фархадоглу завернул в ближайший цветочный магазин и, вернувшись с букетом, торжественно преподнес его жене.

— Ой, папка!..— Младшая дочка, всеобщая любимица и баловница, обвила руками его шею.— Ты у меня неподражаемый!

— Да...— несколько смущенно протянул Фархадоглу, поглаживая волосы дочки.—Тридцать пять лет каждую весну я ношу твоей маме цветы, и ни разу она меня даже не поблагодарила. Возьмет вот так, словно это пучок моркови, сунет в вазу, и все!..

— Садись,— сказала Дильбер-ханум.—Я свежий чай заварила. Да, вот письмо. Только что принесли...

Фархадоглу взял письмо.

— Ну что ж, от чая я еще никогда не отказывался,— сказал он, разглядывая самодельный конверт из линованной бумаги.— Особенно, если ты его только что заварила...

Он подсел к столу и достал из необычного конверта большое — на шести страницах — письмо.

Письмо было из дальней деревни. Девятнадцатилетняя Саадат описывала свою жизнь, жаловалась на судьбу и просила помощи. Два года назад, окончив восьмилетку, она полюбила вернувшегося из армии односельчанина Маммеда и вышла за него замуж, несмотря на протест своих родителей. Но дом мужа не стал колыбелью их любви. Мать мужа и две сестры вмешивались во все мелочи, без конца учили ее, попрекали... И чай она заваривает неправильно, и встает поздно, и ложится рано, и на мужа не так смотрит... Саадат поняла, что дальше так жить невозможно. Она стала заговаривать о том, чтоб построить на противоположном конце участка небольшой домик и жить отдельно. Маммед и сам просил, чтоб выделили его с семьей. Ничего не добился. «Хороший сын не променяет мать с сестрами на чужую бабу!»

Саадат с детьми ушла к отцу. И вот теперь, не зная, как жить дальше, молодая женщина обращалась к Фархадоглу за помощью и советом.

Письмо это озадачило старого журналиста. Фархадоглу закрыл глаза и представил себе деревню, где живет эта Саадат.

Как там сейчас должно быть хорошо, в мае!.. Все цветет, горы застланы пестрым зеленым ковром, журчат речки, птицы поют... А Саадат не видит, не слышит, не чувствует этой красоты... У нее беда. У нее, и у ее родителей, и у двух ее ребятишек... Саадат нужно помочь. Нельзя же в самом деле допустить, чтобы молодая женщина принесла в жертву отжившим обычаям свою любовь, свою судьбу, свое счастье. Надо будет поручить это Фаризу — пусть поедет на место, познакомится с обстоятельствами дела, потолкует с людьми, а если нужно, и подготовит материал для печати.

Придя в редакцию, Фархадоглу сразу же вызвал Фариза.

— Давай прямо завтра и трогайся. Сумеешь завтра выехать? Что это у тебя вид какой-то неопределенный? Дома что-нибудь?

— Учитель! Простите меня, но выехать на это задание я не смогу. К сожалению.— Фариз грустно взглянул на Фархадоглу.— Матери опять хуже стало. Вчера сердечный приступ был. Неотложку вызвать пришлось...

— Ну тогда, конечно, о чем толковать?! Раз мать заболела... Но кого же послать, а? Дело-то уж больно деликатное...

— Давайте я поеду! — сказал Искандер. Он стоял у окна и слушал, поглядывая то на Фариза, то на заведующего отделом, и лицо его как-то странно менялось.

— Правильно! — обрадовался Фархадоглу.— Тебе все понятно, Искандер?

— Наверное, не все, но я думаю, что кое-что разъяснится на месте. Если что — позвоню.

На том и порешили. Каждый занялся своим делом.

Но скоро Фархадоглу снова вызвал Фариза.

«Что хочет пусть делает, ни за что не поеду!» — с этим решением Фариз вошел в кабинет к Фархадоглу, он не сомневался, что заведующий передумал. После разговора он вернулся несколько смущенный, так как услышал совсем не то, на что рассчитывал. Фархадоглу осведомился, не нужна ли его помощь. Но посидеть, поразмыслить не представилось возможности — вызвал главный редактор. Час от часу не легче! Взволнованный вошел Фариз к главному редактору. Он всегда встревоженный входил в этот кабинет, сколько раз пытался справиться с волнением, взять себя в руки — ничего не получалось. Вошел и остановился у двери: главный с секретарем и заведующим одного из отделов просматривали макет. Наконец они свернули макет и вышли.

— Ну, готовься в дорогу. Завтра выезжаешь!

— Завтра?! — воскликнул Фариз.— Но вы же говорили, через неделю!

— Да, говорил. Мы так и планировали. Но ведь знаешь, как с этими иностранцами... Тут ни от меня, ни от тебя ничего не зависит... Решили начать поездку с Азербайджана. Вот сроки и сместились. А ты что, не можешь почему-нибудь ехать?

— Нет, нет, я поеду непременно!..— воскликнул Фариз, мучительно соображая, как же теперь быть со стариком.— Понимаете...— И Фариз по секрету, с обезоруживающей откровенностью рассказал главному, что только что отказался от задания заведующего отделом, сославшись на болезнь матери. Но от этого-то задания он не откажется, он просто не имеет права отказаться. Ничего, он все устроит. Договорится с соседями, присмотрят за матерью. Все-таки это разные вещи: выезжать по какому-то письму или сопровождать иностранных гостей!..

— Это все так. Но ты подумай. Раз мать больна... Мы можем и другого послать.

Другого! Фариз знал, что поездке этой придавали большое значение, сопровождать иностранцев должен был один весьма ответственный товарищ, и людей отбирали очень тщательно. Попасть в список, утвержденный в самых высоких инстанциях, а потом отказаться от командировки! Ничего глупее нельзя придумать.

— Я найду, кому приглядеть за матерью! Из деревни попрошу приехать... Не беспокойтесь! Я поеду, обязательно поеду!

— Хорошо. Иди собирайся.

— Только... У меня к вам одна просьба...— Фариз умоляюще взглянул на главного.— Поговорите с Фархадоглу сами!

Главный редактор взял трубку. Фариз напряженно слушал.

— Вот отправляю вашего любимчика в командировку... Да, я знаю. Но он сказал, что все устроит, найдет, кому присмотреть... Ну, в том-то и дело. Мы ведь рассчитывали через неделю... Ничего, пусть поедет. Пообщается с иностранцами... Надо же парню кругозор расширять.

Фариз спускался от главного обрадованный и немножко смущенный. Товарищи встретили его с усмешкою.

— Что-то на тебя сегодня спрос! Не успел от заведующего вернуться — главный вызывает, не успел от главного прийти — опять заведующий требует!..

Фархадоглу начал с места в карьер:

— Однажды в присутствии вот этого самого человека,— он кивнул на Искандера, сидевшего в углу на диване,— ты обещал мне, что я не увижу от тебя ни фальши, ни лицемерия! И вот как ты держишь слово!..

Фариз попробовал выкрутиться. Он никого не собирался обманывать. Главный предложил ему эту поездку еще неделю назад, кто ж мог подумать, что эти чертовы иностранцы нагрянут так скоро!

— Допустим, что это так. А как же с матерью? — Старик явно прижимал его к стенке.— Ехать по обычному письму — больна, а с иностранцами — ничего, обойдется?

— Вы не верите, что моя мать больна?! А я вас когда-нибудь обманывал? Поймите: у меня же безвыходное положение! Уклониться от такого ответственного поручения! Я договорюсь с соседкой... Еще что-нибудь придумаю... Но подозревать меня во лжи!.. Вы обижаете...

— Ладно,—холодно произнес Фархадоглу.— Все ясно. Не будем уточнять, кто кого обидел. У меня только один совет: придешь домой, сядь и хорошенько все обдумай. А история получилась некрасивая...— Он взглянул на часы.— Ого, седьмой час... Идите, идите, товарищи, поздно уже...

А на улице было так хорошо!.. Небо высокое, ясное. Два друга шли по улице мрачные и задумчивые. Только сейчас Фариз по-настоящему ощутил, как горьки и оскорбительны сказанные Фархадоглу слова. «Старик вел себя безобразно! Кто дал ему право говорить со мной в таком тоне?! Ведь ни черта не понимает, живет представлениями сорокалетней давности, а тоже туда же — учит! Я все должен делать по его указке, ни одного самостоятельного шага! Нет, хватит! Больше этого не будет!»

— Слушай, Искандер, между нами говоря, от Фархадоглу все-таки здорово попахивает феодализмом... Человек прошлого века. Как хочешь, а старику давно пора на пенсию!

Искандер молчал. Он не находил слов, тех единственно правильных, незаменимых слов, которые могли бы убедить друга.

— До чего ж все странно устроено на свете! — продолжал Фариз, решившись, что раз друг молчит, значит, согласен с ним.— Не дай бог у кого-нибудь в долгу оказаться! Сделают добра на грош, а отплата — пожизненное рабство! Черт бы их подрал, всех этих благодетелей!..

Искандер изумленно молчал: никогда ничего подобного он от Фариза не слышал. Значит, вот ты какой: немножко неприятной правды — и все доброе, все хорошее забывается, и лучший друг становится твоим смертельным врагом!

С некоторых пор Искандер чувствовал, что они с Фаризом перестают понимать друг друга. Он не мог забыть слова, сказанные ему однажды Фаризом: «Я считаю, что способности способностями, а надо отрабатывать хватку! Уметь надо жить. Не умеешь или не хочешь уметь, пеняй на себя!»

А Фариз продолжал свое:

— От него же нафталином несет! Феодал! Реакционер! Вот такие и не дают двигаться вперед!

Искандер взял Фариза за руку, преградил ему дорогу и сказал, глядя прямо в глаза:

— Ты понимаешь, что несешь, а? Рехнулся ты? Или, может, провоцируешь меня? В таком случае это в высшей степени неумная провокация! До вчерашнего дня мы оба с тобой клялись здоровьем Фархада-муаллима! Разве мы не считали его одним из самых умных, самых честных, самых интересных людей?! Я читал где-то, что так было у язычников: в минуты гнева они сокрушали и топтали своих идолов. Но ведь ты человек двадцатого века! Если же ты видишь, что ошибся, что человек, которого ты боготворишь, недостоин, не оскорбляй ни своей вчерашней любви, ни самого себя!

Больше Фариз уже не сомневался: кругом враги, его загнали в угол, обложили, как волка. И довольны, счастливы! Один как ни в чем не бывало вышагивает рядом — высказался наконец, перестал корчить из себя друга,— другой сидит себе в теплом уютном доме на диване, посматривает на жену, потягивает душистый чай и думать не думает, каково сейчас ему, когда даже улицы, даже дома притихли и враждебно косятся... Все они заодно!.. Как он их всех ненавидит!..

— Ну что ж, привет! — сказал Фариз, не глядя на Искандера.— Устал что-то, пойду...

Тот вопросительно взглянул на него. Здесь, у витрины книжного магазина, они прощались каждый вечер: Искандер сворачивал на Советскую, а Фаризу предстояло миновать несколько улиц в старых кварталах города. Но сегодня... Вот так взять и расстаться? Они же не договорили...

— Не провожай меня,— сквозь зубы процедил Фариз.— Хочу побыть один. Я думаю, даже у тебя при всей твоей правильности бывают такие минуты.

— Конечно! — спокойно отозвался Искандер.— Такие минуты у всех бывают! Я считаю, что это святые минуты! Будь здоров, Фариз!

Продолжение следует.

КОМУ ЛЕГЧЕ?

Борис ПРИВАЛОВ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

...Собрались и заспорили:
Кому в игре вольготнее —
Судье иль вратарю?
А может, центрфорварду?
Или полузащитнику?
— Легко всем тем, кто
на поле,—
Вздохнули два болельщика
За общество «Спартак»...

Из шуточной фольклорной поэмы
«Кому на футболе жить хорошо».

Это было словно про нас сказано: действительно, нас за столиком кафе «Молочное» (которое находится под западной трибуной) собралось пятеро — один из самых заслуженных футбольных вратарей, популярный нападающий, знаменитый футбольный арбитр, примкнувший к нам не известный никому болельщик и я.

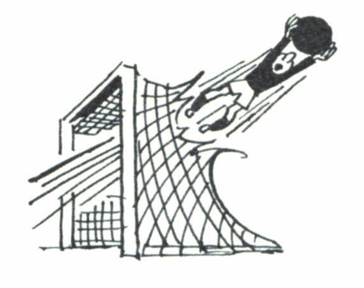
В одном из журналов только что была опубликована юмореска «Хорошо быть тренером», в которой утверждалось, что тренер — это мученик и страдалец, которого никто не любит, а проигравшие клянут. И этот рассказик вызвал довольно мощный всплеск эмоций. Пока болельщик бегал за пивом, страсти разгорелись. И когда пиво прибыло, то за нашим столиком было уже довольно шумно.

— Тренеру что!— сказал заслуженный вратарь.— Хоть спереди, хоть в профиль, он тренер есть, тренером будет, тренером останется... А вот в нашем вратарском деле...

— ХОРОШО БЫТЬ ВРАТАРЕМ!—

так сказал популярный нападающий и мечтательно вздохнул.

— Да?— возмутился вратарь.— И это ты говоришь мне, человеку, который только в официальных матчах взял двадцать с половиной одиннадцатиметровых ударов и сто восемьдесят угловых! Который по своей вине пропустил в ворота всего-навсего пятнадцать мячей за всю свою биографию! Хорошо быть вратарем?! Представьте себе мою жизнь: слева — штанга, справа — штанга, а над головою верхняя перекладина, которую почему-то нежно именуют планкой. И посредине этого сооружения — я. Словно картина в рамке. Ну, предположим, беру трудный мяч. Что кричат болельщики соперников? А вот что: «Разве это был удар? Воздушный шарик, и тот быстрее летит!»

Взял одиннадцатиметровый без защиты (кстати, пока это слово выговоришь, можно пропустить пять голов!), а шептуны тут как тут: «Такую пенку любой мальчишка возьмет, слабо было пробито!»

Если включили в состав сборной: «Его взяли как общественника — он активист ДОСААФа, ведет хоровой кружок, а его жена — модная портниха».

Не взяли в сборную: «Слышали? Наш-то допрыгался: все в Париж, а он на базе в Малаховке остается».

Заслуженный вратарь оглядел присутствующих, одним махом опорожнил кружку пива и сказал:

— А в общем и целом, конечно, хорошо быть нападающим!

— ХОРОШО БЫТЬ НАПАДАЮЩИМ?!—

воскликнул популярный форвард.— Да как у тебя язык повернулся сказать такое?! А еще старый друг! Сами посудите, товарищи, в эпоху всеобщей футбольной грамотности вратарю живется очень мило хотя бы потому, что он весь на виду: взял — не взял, пропустил — не пропустил. Точно сказано: как картина в рамке. Ну, а нам, нападающим, каково? Выхожу на поле — кто-то из болельщиков соперника непременно свистнет: «Опять этого мазилу вывели!»

Получил пас, отдал в одно касание: «Мяча боится!»

Прохожу с мячом сам: «Не передерживай! Кидай Васе! Отдай Коле! Налево бросай! Направо! Навешивай!»

Не догнал мяч: «Смажь протезы! Беги, как за пол-литром!»

Упустил выгодный момент для удара: «Опохмелись, а то ноги дрожат!»

Ударил мимо ворот: «Мазила! Очки дома забыл!»

Забил пенальти, прошу прощения, одиннадцатиметровый удар без защиты: «Еще бы — один на один! Тут и ребенок забросит!»

Вот так-то, дорогие товарищи, из матча в матч, от свистка до свистка... Нет, уж если кому на поле хорошо, так футбольному арбитру...

— ХОРОШО БЫТЬ СУДЬЕЙ НА ПОЛЕ?!

И вы попытаетесь меня в этом убедить?— расхохотался арбитр.— Вот вам пример: сегодняшний матч. Начнем по порядку. Вызываю команды. Бросаю жребий. А уже кто-то из «доброжелателей» кричит с трибуны: «Проверьте монету! У этого судьи всегда одни решки выпадают!»

Назначаю свободный: «Штрафной надо! Не подсуживай!»

Назначаю штрафной: «Свободный надо! Не подсуживай!»

Прогоняю посторонних — например, врача или массажиста — с поля: «А сам, небось, сразу в поликлинику ложишься!»

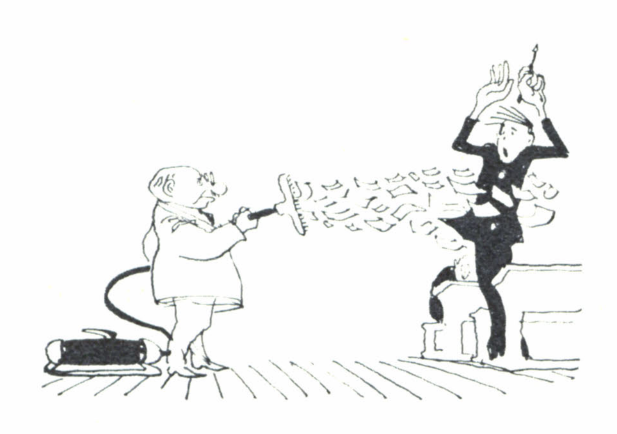
Не прогоняешь посторонних, футболист лежит на поле, и ему оказывают помощь: «Базар устроил из матча! Заседание открыл! Дайте жалобную книгу!»

Отодвигаю стенку игроков на положенные девять метров: «Считать выучись до девяти! Руки прочь от мастеров!»

Удаляю игрока с поля: «Самого гнать надо! Судью с поля!»

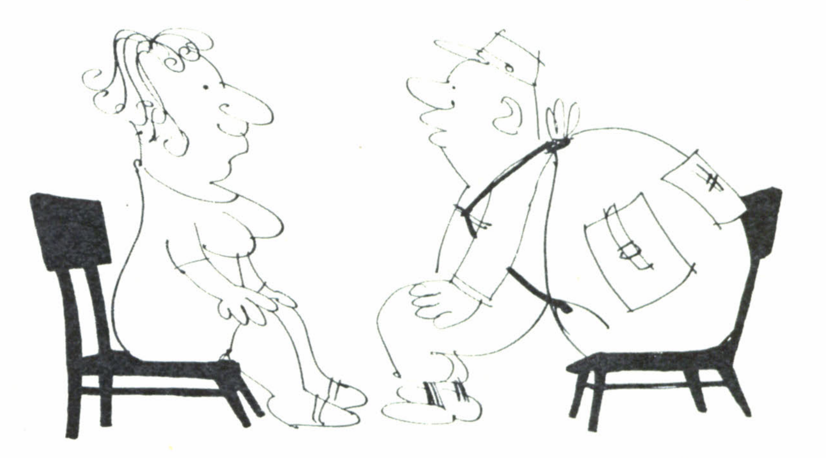
Не засчитываю забитый из положения «вне игры» гол: «Судью на мыло! Не дури, судак, домой не попадешь! О детях подумай!»

Даю пенальти: ну, тут уже не хватит даже словарного запаса академического словаря русского языка, чтобы передать все, что я слышу... Да, велик и могуч язык болельщиков! Вот уж кому вольготно во время футбольного матча... Хорошо быть болельщиком: никакой ответственности, полная свобода крепких выражений, гуляй — не хочу!

Проверка на шпаргалки.

Рисунок Ю. Черепанова.

Посидим перед дорогой.

Рисунок В. Воеводина.

— ХОРОШО БЫТЬ БОЛЕЛЬЩИКОМ?!

Ну, товарищи, вы уж скажете! — обиделся болельщик.— Мы, честное слово, живем, как каторжные... Взять хотя бы, как сейчас сказал гражданин судья, сегодняшний матч... Вам-то что: предъявил постоянный пропуск, прошел на трибуну, в ложу. А болельщику: билет достань, бутылку пронеси, да чтоб стакан не раздавили... Пока утрамбуешься на своих местах, тут уже игра и пошла.

Варианта обычно на игру складывается два: или ты сидишь в окружении своих единомышленников, или среди врагов. В первом случае — нормально, во втором — трудно. Истинное чувство не скроешь, а за него очень просто можно схлопотать по шее. По-дружески, конечно, врежут, не так чтоб всерьез, но помнить будешь. И уже дальнейший срок сидишь тихо, никаких афоризмов не произносишь. До перерыва, конечно. А уж потом проберешься к своим. Ну, а раз кругом свои, то начинается жизнь, как я уже говорил, по первому варианту.

Теперь поймите душу болельщика. Как поется в песне: «Нам сверху видно все, ты так и знай». Им там, игрокам, судьям, на все наплевать: они мячик гоняют. А нам трудно приходится... А вас послушать, так во всем болельщик виноват. Вы сядьте на наше место. Вот, например, обижают любимую команду. Крикнешь: «С поля хамов! Долой! На тушенку Васьконоголома!»

А снизу какой-нибудь тип этак ехидно заявляет: «Ведите себя прилично!» Это мне-то, болельщику с тридцатилетним стажем! Да я, может, когда он еще в детсадик ходил, уже имел фотографию с самим Григорием Федотовым и автограф Боброва! Да-а, вот так... Бывает, сами знаете, мяч-то круглый, и наш игрок его не туда кинет. Конечно, не удержишься, выскажешь свое мнение по этому поводу: «мазила» или там «вставь коленку», а то и совсем вежливо: «дурак», дескать, «балбес». И что вы думаете? Обязательно найдется какой-нибудь чистоплюй, чаще всего с дамочками такие ходят, словно в Театр эстрады, и начинает меня стыдить: «Не позволяйте себе лишнего, гражданин! Немедленно прекратите выражаться!» А? Каково? И ведь если ответить ему, как положено у нас на восточной трибуне,— милицию позовет. Душе-то больно, как вы думаете, а?

Тут на поле опять ситуация: нашего снесли в штрафной, а этот тунеядец... гм... простите, я не вас имел в виду... судья, значит, не дает пеналь, зажимает... То есть, по-вашему, по-официальному, не назначает пенальти. В такой момент, когда мы и без того один — ноль проигрываем! Что должен делать болельщик? Как один, встать и выдать хоровой текст в адрес судьи. И опять на нас шипят, как змеюги, различные посторонние лица! «Куда смотрит милиция! На пятнадцать суток! Прекратить безобразие немедленно!»

Грубейшее нарушение футбольной демократии! Ладно, выдерживали не такие удары, пережили и этот. Послушайте, что дальше получается: Пашка забивает гол. Сравнивает счет. Мы выдаем крик: «Молод-цы!» — и, конечно, на радостях желаем принять по сто граммов из имеющегося у нас спецрезерва. Что же мы слышим? «Здесь не распивочная!» Это еще мягко сказано, другой сразу берет быка за рога: «Алкоголиков вон со стадиона!» Попробуй потом взмахни рукой или кепкой, сразу же окрик: «Распоясались! В вытрезвитель их!»

До того иной раз запугают, что сидишь тихо, как дурак, честное слово! Так все время и лавируешь — между мелким хулиганством и любовью к своей команде...

Ну, а потом сквозь толкучку домой добираться? Давка, кости трещат, а едешь... По дороге с ребятами завернешь немного в сторонку — ну, а как же еще отметить выигрыш или проигрыш — залить; разве можно не поддержать нервную систему в такую драматическую минуту?

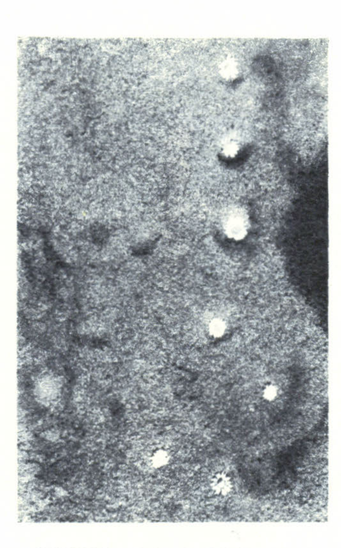

Теперь следующая картина: я прибыл домой, в любимую семью. Весь больной, во мне клеточки нет целой. А жена на меня смотрит, как постовой милиционер на алкоголика. Она уверена, что я на трибуне сижу, отдыхаю, удовольствие получаю. Ей бы пару-тройку раз так поболеть, сразу бы на инвалидность запросилась... Вот как в наши дни живет болельщик, дорогие граждане... Недаром говорится: «Легче всего футбольному мячу...»

— Нет, простите,— вмешался я,— уж если кому и достается зря, так это именно мячу. Например, срежется он с ноги, а игрок его сразу черным словом: «Черт бы тебя побрал...» Промажет игрок удар, опять же с себя вину сбрасывает: «Психованный какой-то нынче шарик попался...» Пробьет неточно: «Ах, что б тебя...», и так далее, оба тайма... К тому ж следует учесть, что избивают его, беднягу, да еще ногами, все девяносто минут — разве это легкая жизнь?

Все со мною согласились, тем более что пиво кончилось и пора было идти по домам.

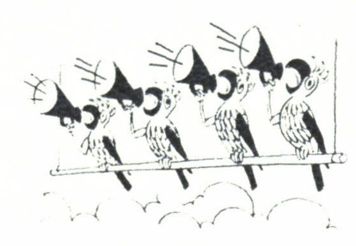
...Так кому же все-таки в футболе приходится легче всего? А? Как вы думаете?

СЛЕДЫ НА КАМНЕ

Не так давно в окрестностях города Луги, Ленинградской области, я набрел на огромный валун серого гранита, на поверхности которого были загадочно расположенные ямки. Эти углубления имели шероховатую поверхность. С того момента, как они возникли, прошли десятки веков. Я положил в ямки ромашки и сфотографировал. Посмотрите на снимок и вы увидите созвездие Большой Медведицы.

В. ВАСИЛЬЕВ

ПЕРНАТЫЕ СЛУЖАЩИЕ

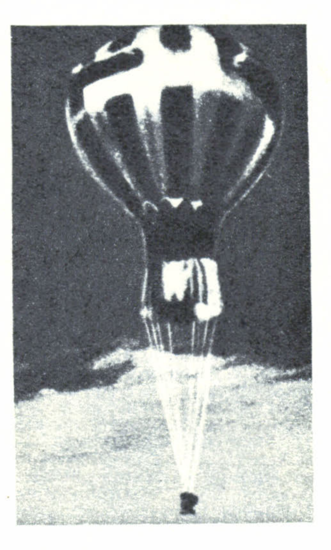
В штат фармацевтического завода в городе Дорог (Венгрия) зачислено девять попугаев какаду. Оказалось, что эти птицы очень чувствительны к вредному запаху синильной кислоты. Попугаи постоянно дежурят в цехе, где изготовляются препараты, содержащие синильную кислоту, и как только в помещении появляются ее испарения, птицы начинают истерически кричать.

ДЛЯ АППЕТИТА

Хозяин одного миланского ресторана придумал способ возбуждать у своих клиентов аппетит. Он выставил в витрине тринадцать разноцветных пилюль под названием «Обед 2000 года». Когда посетители видят, что ждет человека в недалеком будущем, они с восторгом набрасываются на шницели и антрекоты.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЛЕТАЮЩИЙ ПАРАШЮТ

Американский летчик Фред Небикер сконструировал необычный парашют. В случае, если парашютист увидит, что место для посадки неподходящее, он дергает за специальный трос, и тут же над его головой наполняется газом шар, соединенный с парашютом. Управляя воздушным шаром, он может долететь до выгодной точки приземления.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

ДАЙ, МНЕ ПОЛОЖЕНО!

Так назывался фельетон К. Оболенского, опубликованный в № 34 «Огонька» за 1970 год. В нем были приведены конкретные имена, в частности Н. А. Слепых и В. Ф. Козловского.

В своем письме в редакцию горвоенком Подольска полковник тов. Покровский и председатель комитета содействия сообщили, что фельетон был подробно разобран на расширенном заседании комитета. Собравшиеся обсудили поведение офицера в отставке, майора Слепых и сержанта запаса Козловского.

«...Факты, указанные в фельетоне, подтвердились,— сообщается в письме.— Указанные лица занялись вымогательством у советских организаций права на внеочередную покупку в личное пользование автомашины «Волга». Общественность сурово осудила недостойное поведение тт. Слепых и Козловского».

«Выяснилось, что Козловский,— говорится далее,— подделывал подписи в документах за инвалида войны тов. Слепых с целью вымогательства — внеочередной покупки автомашины. Комитет содействия объявил ему строгий общественный выговор и обратился к прокурору г. Подольска с ходатайством о привлечении его к уголовной ответственности».

Копию своего решения Подольский горвоенкомат отправил руководству автобазы, где сейчас работает Козловский. Военком и председатель комитета просили обсудить его поведение и результаты сообщить в редакцию «Огонька» и в горвоенкомат.

Не дождавшись дальнейших сообщений, мы связались с автобазой «Скорой медицинской помощи» Москвы.

— Работает у нас такой,— подтвердил начальник 14-й колонны А. Ф. Осокин.— Что про него сказать?.. Прогулов, правда, не делает, но и к делу относится как-то формально. Даже друзей не имеет. Показал я ему письмо из военкомата, так он кричать начал: «Ложь, клевета! Собрались там всякие!»

— Общественной работы никакой не ведет,— говорит Осокин.— Да и вообще жизнь базы его абсолютно не трогает. А письмо из Подольска обязательно обсудим на днях.

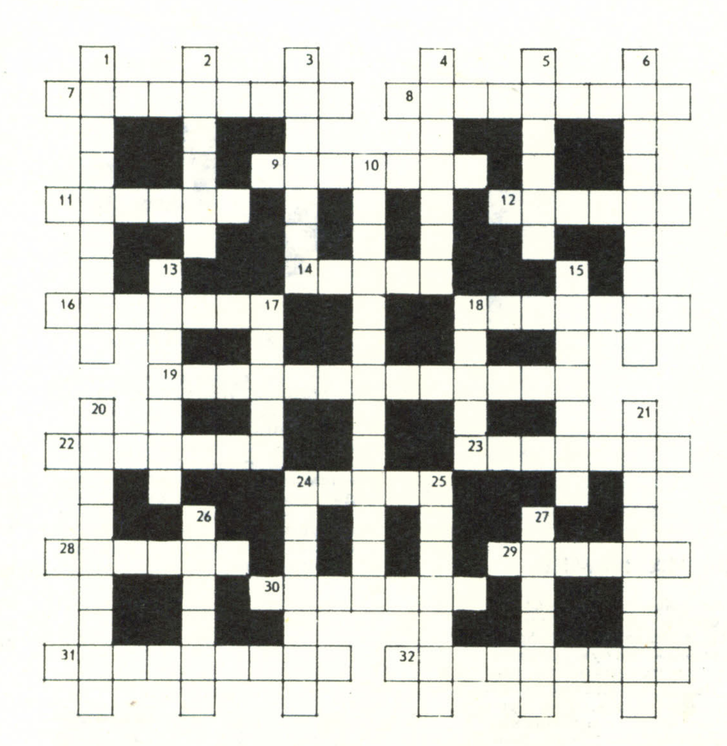
Недавно пришел ответ из автобазы «Скорой помощи».

«Члены местного комитета сурово осудили недостойное поведение Козловского,— сообщает директор автобазы,— и полностью присоединяются к мнению общественности о привлечении его к уголовной ответственности».

...В редакцию пришло и продолжает поступать много писем. Некоторые читатели называют известных им любителей действовать нахрапом.

Вызывает сожаление, что кое-кто из читателей не совсем правильно понял выступление журнала. Упоминание инвалида Слепых они сочли выступлением против инвалидов вообще. Но это неверно. Как видно из сообщения горвоенкомата, положением инвалида, упомянутого в фельетоне, прикрывается совершенно здоровый Козловский.

Кстати, во время визита в редакцию Слепых от своих подписей не отказывался. Надеемся, теперь он понял, что его втянули в грязную историю.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Птица отряда куриных. 9. Разрывной снаряд. 11. Ярко-красная краска. 12. Река в Красноярском крае. 14. Знак препинания. 16. Громкоговоритель. 18. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом. 19. Отдел языкознания. 22. Промысловая рыба. 23. Столица союзной республики. 24. Приток Тобола. 28. Часть зрительного зала. 29. Аттракцион. 30. Пьеса М. Горького. 31. Работник учреждения связи. 32. Химический элемент.

По вертикали: 1. Глагольно-именная форма. 2. Шерстяная ткань с ворсом. 3. Водоразборная колонка. 4. Персонаж фильма «Путевка в жизнь». 5. Планета. 6. Драгоценный камень. 10. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 13. Оперетта Кальмана. 15. Повесть Н. В. Гоголя. 17. Лабораторный сосуд. 18. Английский полярный исследователь. 20. Тип телескопа. 21. Сборник избранных произведений художественной литературы. 24. Ударный инструмент. 25. Старинный способ морского сражения. 26. Пятиглавая гора на Северном Кавказе. 27. Соединительный элемент деревянных конструкций.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 3. Лермонтов. 7. Пешка. 8. Минин. 11. Радикал. 12. Олекма. 14. Оттиск. 16. Плато. 19. Балакирев. 20. Литосфера. 21. Оникс. 23. Сирена. 26. Лахути. 28. Россини. 29. Цефей. 30. Лемма. 31. Каравайка.

По вертикали: 1. Пескара. 2. Повидло. 4. Ожогина. 5. Белок. 6. Жилет. 9. Поликлиника. 10. Акселератор. 13. Мичиган. 15. Таволга. 17. Ливан. 18. Тальк. 22. Инсаров. 24. Ессей. 25. Арсенал. 26. Ливенка. 27. Хурма.

На первой странице обложки: Березниковский калийный комбинат. Пермская область. На разработках.

Фото Н. Акимова (АПН).

На последней странице обложки: На склонах Чимбулака. Казахстан.

Фото Л. Бородулина и Б. Светланова.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/I-71 г. А 00115. Подп. к печ. 19/I-71 г.
Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 208. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 7.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Николай Алексеевич Капишников: «Этот акцент еще раз!..»

Г. СМЕТАНИНА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Я в Мундыбаше. В назначенное время Николай Алексеевич Капишников, преподаватель литературы, создатель и дирижер школьного оркестра,— в школе. Торжественный, походка энергичная, лицо одухотворенное, голос звонкий...

— Ой, вы не представляете, как его любят! Какой он добрый,— сказала мне Валя Васильева, теперь уже студентка Сибирского металлургического института.— Как он читает! Не слышали еще?.. Какую программу ни ведет — всегда начинает год Пушкиным, и мы все влюблены в Пушкина! А потом начинает Толстого: «Толстой — такой человечище!» — и мы бредим Толстым... У него не уроки, а поэмы! Я хоть и не была в оркестре, на репетиции всегда ходила. Главное там — воспитание... Оркестр — это своя «республика». Там свой устав, свой президент... А какие у нас вечера по абонементам!.. Они у нас уже семь лет, и это тоже его инициатива! Приезжают на гастроли в Кемерово музыканты, чтецы,— обязательно побывают и у нас, в Мундыбаше. Как начну про нашу школу рассказывать — мне все завидуют, что у нас такой учитель... Странно только: спорить приходится, доказывать, что музыка необходима. На меня нападали. «Зачем тебе музыка! Ведь не пение же вести будешь, а математику!» — говорит, например, Ксения Горшкова, молоденькая учительница. «Как зачем!—отвечаю.— Ведь я же учитель! Если учитель живет без музыки — сумеет ли он детям привить доброту?..»

...Дела Николая Алексеевича — сплошные находки. Об этом повести бы писать для педагогов и родителей. И главное — даже не этот прекрасный оркестр, начавшийся когда-то с двух-трех балалаек и домбр; и даже не музыкальная школа, родившаяся в поселке благодаря оркестру. Главное — дружба, чувство долга перед окружающими, разбуженное у ребят учителем.

Каждый бывший оркестрант становится пропагандистом музыки.

Оркестр и сейчас переписывается со **всеми** воспитанниками, а сколько же их было за 24 года!.. И про каждого известно, кто кем стал... И уж если кто нуждается в помощи, то не вздыхают: хорошо бы, мол, помочь,— а помогают, и незамедлительно, всем миром... Плохо поступил оркестрант — ни-

Леночка Таничева — новобранец оркестра.

НАДО ИГРАТЬ...

какого снисхождения! Страшнее же всего в оркестре — лишиться доверия товарищей.

Такая уж способность у Николая Алексеевича — воспитать в ребятах ответственность за товарища, за его настроение, за его жизнь. Десятки людей с благодарностью расскажут об этом.

Так было, например, с Василием Кузнецовым, заболевшим в детстве полиомиелитом. Ребята носили его на занятия в школу, брали на прогулки, в гастрольные поездки... Он уже много лет президент оркестровой республики; ни одно событие в оркестре не совершается без его участия... Ведущий домбрист Федя Фомченко почти бросил школу. Федора — дело давнее! — «чистили» всем оркестром... Сейчас он горный инженер... Анике Кирьянову тоже помогали в трудные послевоенные годы; на выпускной вечер он пришел в школу в новом костюме: ребята купили на вырученные от концерта деньги, чтобы товарищ не чувствовал себя «хуже всех». Теперь Аника Екимович — преподаватель электроники — рассказывает мне, какие проводы устроили ему друзья, когда он уезжал из Мундыбаша в институт.

— Поезд уходил часов в 5 утра. Я вышел затемно. Только на перроне появился — оркестр грянул «Танец маленьких лебедей»! Это было радостно и неожиданно, запомнилось на всю жизнь.

* * *

...Николай Алексеевич начинает репетицию. И опять его не узнать. Вчера я видела его в ватнике, перемазанного маслом — чинил мотоцикл. Сегодня — никакой обыденности! Ничего вокруг, кроме праздничного, торжествующего «Вальса-фантазии». Рассказывает о Глинке. Подбадривает ребят:

— Давайте сильнее звук! Лишнее отработаем и уберем после...

Шелестят домбры, вступают балалайки. Дети и учитель сосредоточены.

— Стоп! Этот акцент еще раз!.. И вот в этой фразе дайте паузу. Глинка — ему надо в пояс поклониться — первый в русской музыке познакомил нас с волшебством паузы,— продолжает Капишников.— Здесь, в «Вальсе-фантазии», мы впервые встретились с Генеральной Паузой. Заметили вы ее?.. Молодцы, что зажали струну на последнем ударе, звук от этого ярче, торжественнее,— хвалит ребят учитель.

Репетиция идет дружно, энергично, словно не десятый час вечера, а только еще начинается рабочий день...

— Будьте расчетливы, очень расчетливы! Не откладывайте исправление отметок к концу четверти,—усмехнулся Николай Алексеевич.— Да сопутствует вам успех в учебе!..

Все поднялись. Я поняла, что занятия так всегда здесь кончаются. Инструменты аккуратно поставлены на место. Только одна маленькая девочка, с огромными глазищами, тащила с собой домбру.

— А инструмент зачем берешь? — поинтересовался Николай Алексеевич.

— Зачем? Учить!..

— Здесь выучишь.
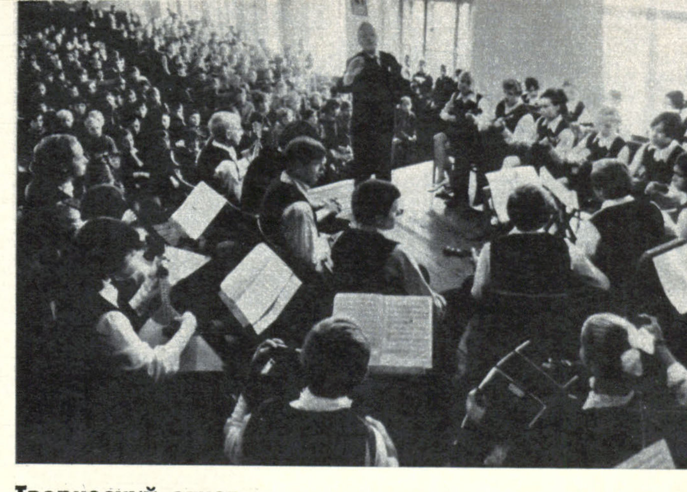
— Здесь надо играть!

Поселок Мундыбаш,
Горная Шория.

Через два такта — вступление.

Творческий отчет.

Бывший оркестрант офицер Владимир Телегин в гостях у коллег-преемников.

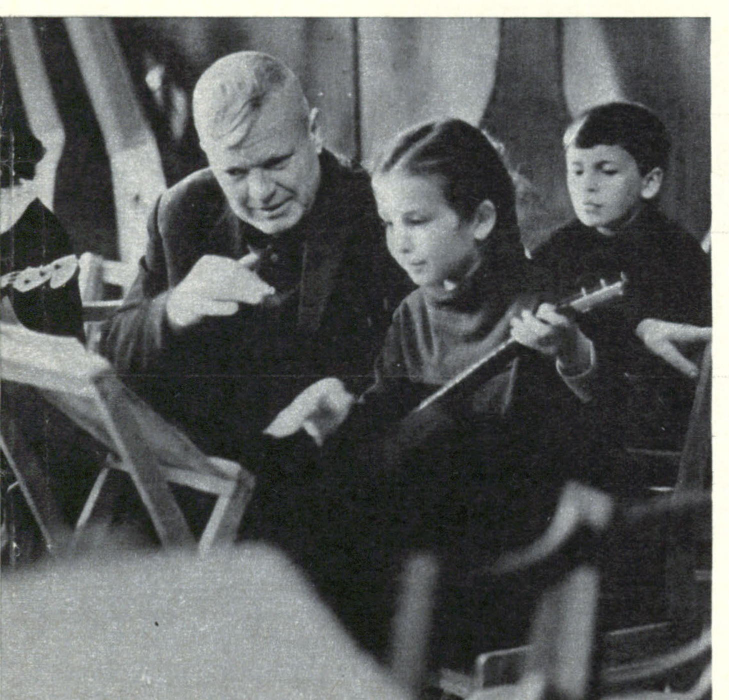

На репетицию.

Петя Егоров: «Музыкальная грамота — основа...»

— Легче, чуточку легче...

Пауза.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.